

Пресыщенность
Ядом

18+

МАРИЯ ВЫСОЦКАЯ

Законы безумия

Мария Высоцкая
Пресыщенность ядом

«Автор»

2019

Высоцкая М.

Пресыщенность ядом / М. Высоцкая — «Автор»,
2019 — (Законы безумия)

Он появился слишком внезапно, руша все на своем пути. "Золотой мальчик", не знающий слова «нет». Он искалечил мое существование, сам того не подозревая. Притворялся обычным, а оказался за гранью. Всего лишь спор для него. Еще одна трагедия для меня. Но когда карты вскрыты, не остается больше ничего, только выжженная земля и пресыщенность отравившим ее ядом.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	54
Глава 7	60
Глава 8	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Мария Высоцкая

Пресыщенность ядом

Пролог

– Ты сволочь, Доронин, тебе самому от себя не противно?

– Противно, Элька, очень противно.

– Убирайся отсюда!

Он тяжело вздыхает. Чувствую его злость. Почему-то я всегда его тонко чувствую.

– Ты не дашь даже шанса?

Отрицательно качаю головой. У него нет права на этот шанс. У него больше ни на что нет права.

– Значит, всё, что было между нами, твоё потрясающее притворство?

– Что? Нет... – осекаюсь, теряя свою непоколебимую уверенность.

– Я, возможно, самый ужасный человек, но ты не лучше, Эля. Разве это любовь? Ты вычеркнула меня из своей жизни, вот так просто. А сколько было сказано красивых слов, ты такая же лгунья, как и я!

Замираю, а после уже не могу остановиться:

– Я лгунья, я не любила? Как ты смеешь, после всего... разве это я изуродовала тебе жизнь? Я скрылась с места аварии? Я спорила на тебя, как на кусок мяса? Я врала и прикидывалась не собой? Смотри на меня, Доронин, это всё делала я?! Как у тебя только хватает совести... Данил, это не игра, слышишь, уходи. Всё кончено. Хватит твоих игр! Хватит!

Ору, закрывая уши руками, оседая на пол по стене.

Доронин тянется ко мне, но я пресекаю любые попытки одним только взглядом. Мне так больно. Невыносимо. Он чудовище. Чудовище, в которое я имела глупость влюбиться. Почему судьба так коварна, почему человеком, который смог меня починить, стал именно тот, кто сломал?!

Глава 1

"Ночь. Вы когда-нибудь задумывались о том, что чувствуют незрячие? Ведь их жизнь – вечная ночь. Тёмная, холодная, страшная. Когда ты находишься в коме, ты испытываешь то же самое. Нет никаких туннелей, яркого света или же какой-то счастливой, другой реальности. Нет. Есть только тьма и ничего больше.

Наверное, первое, что тебя раздражает, когда ты приходишь в себя, это свет. Яркий, режущий. Он кажется чужим. Ты привыкаешь к вечному сумраку настолько, что лучи солнца больше не заслуживают твоего внимания.

Когда я открыла глаза, то первое, что я видела и чувствовала, белый потолок и встроенные в него лампы. Они светили слишком ярко. Убивали мои глаза. Терзали их и будто смеялись. Они смеялись надо мной и моей беспомощностью.

Второе – мамыны руки. Они с такой силой стискивали моё запястье, что хотелось закричать, чтобы она их убрала. Но голоса не было, только нездоровые, еле слышные хрипы.

Третье – это боль. Адская, поглощающая, она терзала моё тело, не останавливаясь ни на минуту.

Четвертое – страх. Жуткий. Порождающий панику страх.

Я не видела себя, не знала, что со мной. Не чувствовала. Не помнила, я почти ничего не помнила. Только то, как мы возвращались в город с дачи. У Ольки с Витькой была такая замечательная дача в сосновом поселке, летом мы ездили туда на шашлыки, а зимой кататься на лыжах. Мы ехали, пели песни, улыбались и совершенно не подозревали, что через минуту всё будет закончено.

Я помню удар, помню, как мир крутился вокруг меня, пока машина, переворачиваясь, слетела в кювет. Я помню боль, крики, вспыхнувший огонь. Я помню, как рыдала Оля. Так громко. А ещё помню, что так и не смогла дотянуться до её руки, которую она мне протягивала.

Эти крики, жуткие образы, окутавшее пламя, они врывались в моё сознание, я металась по больничной койке в агонии, хрипела вновь и вновь прожигая ту ночь. Мне кололи успокоительное, обезболивающее, но это не помогало. Из раза в раз я открывала глаза и проходила через этот ад. Снова и снова. Снова и снова".

Настоящее.

Мама стоит в кухонном проёме, на голове у неё закрученное полотенце, и она явно походит на египетскую мадемуазель времён до нашей эры. На ней васильковая пижама и смешные тапки-единороги, я подарила их ей на Восьмое марта. Милые, пушистые и такие разноцветные. Она долго смеялась, но не забросила их в далёкие дебри шкафа, а поставила красоваться перед кроватью и теперь каждое утро разгуливает в них по дому.

Она внимательно наблюдает, как я обуваюсь, и делает глоток чёрного, но до ужаса сладкого кофе. Он приторный, и я такой не люблю.

Разгибаюсь, вешая на плечо сумку. Мамуля пробегает по мне глазами, и её лицо украшает улыбка. Она тёплая, родная.

– Не задерживайся, – целует в щёку, мимоходом поправляя воротничок моей рубашки.

Мама всегда так делает, когда я собираюсь выходить из дома. Провожает. А ещё, наверное, безумно за меня переживает. Я её понимаю. После всего, что им с отцом пришлось пережить, я бы так же караулила своего ребёнка у дверей. А возможно, везде таскала бы с собой за руку, и плевать, что ему уже девятнадцать лет.

У меня замечательные родители, самые лучшие на свете. И я благодарна Богу, что мне с ними так повезло.

– Хорошо, если что, я позвоню и предупрежу тебя.

– Договорились.

– А папа скоро вернётся? – беру с полки зонт.

– Обещал к концу недели.

– Я по нему уже соскучилась. Знаешь, я иногда жалею, что он в постоянных разъездах.

– Не поверишь, но я испытываю аналогичные чувства, – усмехается, – всё, беги, а то опоздаешь.

– Точно.

Выйдя из подъезда, я с опаской перехожу дорогу и с ещё большим страхом сажусь в автобус. Он набирает скорость, и я чувствую, как волоски на руках встают дыбом. Нужно перетерпеть. Всего пару остановок. Совсем немного...

Пока автобус скользит по мокрой дороге, а на его окнах то и дело струятся водные реки, расплываясь по стеклу паутинкой, я заворожённо наблюдаю за маленьким мальчиком, лопающим огромную сладкую вату. Она розовая и такая красивая. В детстве я обожала ходить с родителями на карусели. Мы уходили в парк на целый день. Гуляли, катались, лежали на траве и были самыми счастливыми. Такие воспоминания детства бесценны.

Я хорошо помню своё детство. Оно было ярким. Родители пытались его таким сделать настолько, насколько могли. Мы часто гуляли, играли, почти всё-всё делали вместе. Я была желанным ребенком. Я это всегда чувствовала. Остро чувствовала.

Даже в школе почти всех моих подружек постоянно пугали, заставляли хорошо учиться, наказывали, запирали дома. А меня... меня нет. Родители мне доверяли, старались найти компромисс, поговорить. Вообще, они всегда со мной общались, пытались понять, что

я чувствую и насколько это для меня важно. Наверное, из них бы вышли неплохие психологи. О своём детстве я помню только хорошее. Самые светлые воспоминания родом из детства, у меня вот именно так.

Перешагиваю через лужу и, ускоряя шаг, иду к зданию университета. Я мечтала поступить сюда, как только стала задумываться о будущей профессии. Мне всегда хотелось, чтобы моя работа была креативной, такая, где я бы могла реализовывать изобилие своих самых странных идей. Наверное, поэтому пошла на связь с общественностью. Тут тебе и пиар, и реклама. Делай всё, что душе угодно.

Я хотела учиться именно здесь, в стенах МГУ. Поэтому, пока в школе девчонки ходили на дискотеки, я сидела за учебниками, потому что знала, что, кроме меня самой, поступить сюда мне никто не поможет. Мои родители никогда не потянут платное обучение в таком месте. Поэтому я должна была стараться и много работать над собой. У меня был план, была цель, и я её достигала.

Олька, моя подруга, находилась в таком же положении и дни напролёт сидела над химией и биологией, потому что собиралась поступать в медицинскую академию.

Мы днями и ночами зависали у меня в комнате, а мама приносила нам вкусняшки, подкармливала уставший мозг. Папа частенько рассказывал смешные истории из своей студенческой жизни, он, кстати, тоже учился в МГУ, даже в аспирантуру поступал. Вообще, он филолог по образованию, но в девяностые почти ничего не платили. Так, он начал ездить с челноками в только что отделившиеся страны бывшего Союза, потом познакомился с мамой и осел на одном месте.

Теперь у него магазинчик. Мама там и бухгалтер, и продавец. В общем, такой вот небольшой семейный бизнес. На жизнь нам хватает.

Конечно, за последний год все наши финансовые запасы иссякли, но родители пытаются не подавать виду. Но я-то знаю, что дела идут не так хорошо, да и все накопления уже давно утекли на мое лечение.

Нам повезло, что друг отца работает на кафедре в моём вузе и любезно, но я уверена, что за деньги, замолвил словечко, и мне позволили сдать пропущенные сессии и продолжить обучение после почти годового отсутствия.

Тяну дверь на себя, чувствуя прилив энергии, смешанной с волнением.

Оказывается, это так страшно – вновь оказаться здесь. Внутри.

Как дурочка, рассматриваю огромный вестибюль, а когда понимаю, что опаздываю, несусь наверх. Спешно вышагиваю по коридору пятого этажа, чувствуя на себе не слишком приятный взгляд двух стоящих у окна парней.

Оборачиваюсь совсем немного, так чтобы на них не пялиться. Внимание само приковывается к тому, что повыше. С взъерошенными волосами, будто он только что поднялся с постели. Ну, или же спал где-то на подоконнике, хоть вот на этом, к которому сейчас прижимается. Лицо я не разглядываю, потому что привлеку к себе ещё больше внимания. Кроме

этого хаоса на голове, я замечаю дыру в джинсах на всё колено и режущую глаз кипельно белую рубашку. Кстати, вот она идеально отглажена. Такое ощущение, что человек, надевавший её и укладывающий волосы, был двумя разными людьми.

Эти двое никуда не спешат. Стоят, беседуют, и в их разговоре явно проскальзывает моя персона, по крайней мере, мне так кажется. Я уже хочу забыть об этом "столкновении", но этот холёный тип с отвращением смотрит на мою обувь. Становится не по себе. Такой пренебрежительный, насмешливый взгляд, словно он увидел что-то мерзкое. Обхватываю свои плечи руками и спешу поскорее отсюда убраться.

Меня ещё долго преследует это странное и неясно откуда взявшееся чувство стыда. Будто меня в чём-то уличили, но я не понимаю в чём...

Первой парой стоит теория и практика массовой информации. Я странный человек, по мнению Оли, но, у меня нет нелюбимых предметов. Я люблю учиться, узнавать что-то новое. Ведь это интересно, как ещё можно расширить свой кругозор?

Может показаться, что я заучка и серая мышь. Но это не так, к своей внешности я никогда не относилась наплевательски. Всегда делала укладки, макияж, красила волосы и была до ужаса рада, что у моих родителей именно магазин одежды. Мне нравились стильные вещи в аккаунтах инстаграм-моделей и блогеров. Оттуда нередко можно было что-то почерпнуть, что я, впрочем, и делала.

Правда, в последнее время мои лёгкие кружевные платья сменились джинсами, а высокие каблуки – обувью на плоской подошве. Но это лишь потому, что мини меня теперь вовсе не красит. Скорее изуродует.

В аудитории шумно. Преподавателя ещё нет. Все заняты своими делами, в первую очередь болтовнёй. Первая пара, первого учебного дня, второго курса.

В том году я мало с кем успела подружиться, а теперь вообще чувствую себя здесь лишней. Все уже давно собрались в группки по интересам, а я осталась в стороне. Сажусь на первое попавшееся свободное место, доставая планшет. Галдёж резко прекращается. Соколовская, наш препод, королевской походкой идёт к своему столу и, поправив очки, пробегает по нам небрежным взглядом. Она мне не понравилась ещё тогда, в том сентябре. Высокомерная, наряжающаяся в бренды и до ужаса не любящая простых студентов. Да-да. Марта Александровна у нас предпочитает ставить пятерки девочкам с сумками, ценник за которые улетает в космос и мальчикам на дорогих тачках. Социальная дискриминация по финансовым возможностям. Не очень-то педагогично, но, думаю, ей до этого дела нет.

– Переведённая? – прищурено рассматривает моё лицо, опускаясь взглядом ниже.

Одета я вполне себе нормально, светло-голубая рубашка, жилет винного цвета, джинсы с лёгкими подворотами. Не бренды, конечно, но и не на помойке же я всё это взяла.

Хотя Соколовская, кажется, думает иначе. Слегка приподымает свою идеально татуажную бровь.

– Нет, академ был по болезни.

– Ясно, – отводит взгляд.

Следующие полтора часа я записываю всё, что она говорит, иногда посматривая на часы, ощущая лёгкое чувство голода. И почему не позавтракала? Мама же предлагала.

К концу пары Марта просит нас подготовить к следующему занятию доклады и быстро раскидывает темы.

На большом перерыве я остаюсь всё так же одна. Стою в стороне и не решаюсь заводить новые знакомства. Читаю книжку и пью сок, сидя на подоконнике напротив аудитории, которую до сих пор не открыли. Настолько погрузившись в сюжет, совсем не замечаю, что сижу уже не одна. Оборачиваюсь и вздрагиваю.

– Привет.

– Привет, – бормочу, немного шокированная.

– Я Аня, помнишь?

– Конечно помню.

В том году мы довольно неплохо общались, Аня даже пару раз меня навещала, но потом исчезла. Я её, в принципе, понимала. Не так уж долго мы были знакомы, чтобы сидеть у меня в палате каждый день.

– Я рада, что ты смогла вернуться. Хорошо выглядишь.

– Всяко лучше, чем тогда, когда ты видела меня в последний раз, – усмехаюсь.

– Это точно. Ну как первый день? Освоилась?

– Вполне себе.

– Изменилось всё, правда?

– Что-то есть.

– А знаешь что? Или ещё не поняла?

– Просветишь?

– Я, ты, Дашка, там вон в белом платье, Марат, сзади тебя на первой паре сидел, Никита, не видела ещё, мы здесь немного лишние.

– В смысле?

– Бюджет.

– И что?

– Ничего. В других группах ничего, а в нашей, как бы тебе сказать... в нашей есть элита, и есть мы – отбросы.

– Что за бред? Мы не в школе, да даже в школе такого не было.

– А даже в потоке нашем такого нет. Только наша группа. А всё знаешь из-за кого? Вот, – кивает в конец коридора, – Викуша Дягилева.

– И?

– Королевишна наша. Это с её подачи в группе пошло это дурацкое деление. Видите ли, не барское это дело – с холопами на равных быть. А ты думаешь, почему все проигнорировали, что у нас новенькая? Потому что ты не одна из них.

– Мне кажется ты преувеличиваешь.

– Я преуменьшаю. И предупреждаю. Не ведись, если они будут с тобой любезничать, приглашать куда-то... в том году, Леську так опозорили. На камеру сняли. Она даже документы забрала. Ушла после этого позора...

После пар я иду домой пешком. Погода решила сделать милость и даже явить нам солнце. Лужицы теперь поблёскивают от этих ярких лучей и не кажутся такими унылыми.

Во дворе вновь замечаю ту парочку парней, которых видела с утра. Они опять на меня как-то странно смотрят, или мне это кажется? Мне вообще всегда кажется, что я как-то выделяюсь. В плохом смысле. Если в толпе кто-то посмеётся, я буду уверена, что надо мной. Хотя внешне я и стараюсь казаться отстранённой и сдержанной, на самом деле я до ужаса закомплексована. Всегда такой была, а вследствие некоторых событий того года моя закомплексованность превратилась в непоколебимую неуверенность в себе.

Ускоряю шаг и, больше не смотря по сторонам, иду домой.

По дороге захожу к Оле. Она сейчас дома, точнее она всегда дома. Надавливаю пальцем на кнопку звонка и жду, когда мне откроют дверь. Витька, стоящий на пороге, улыбается и сгребает меня в свои медвежьи объятия.

– Привет, – глажу ладонями его спину, – как вы? Уже гуляли?

– Собирались как раз.

– Вить, кто там? – раздаётся из комнаты.

– Оль, Элькин пришла.

– Оля-я-я-я! Привет.

– Приве-е-ет, – она выезжает из комнаты.

Её руки упираются в ручки коляски и кажутся такими мощными. Я вижу выступающие венки на её запястьях и внутренней стороне предплечья. Оля улыбается. Теперь уже улыбается, потому что смирилась.

– Я к тебе в гости, но Витька сказал, вы на улицу собрались.

– Ой, давай потом с этой улицей. Пошли на кухню, расскажешь, как на учёбу сходила. Интересно же.

Мы проходим в кухню, а я всё думаю и думаю о том, как она так может, держаться. Я бы сошла с ума. Оля сильная. Такая сильная, а я слабачка. Подумаешь, ожоги...

– Эль, ты опять меня жалеешь?

Её губы изгибаются в улыбке, в грустной улыбке.

– Не стоит. Мне не станет от этого легче. Я хочу забыть всё, что было, и двигаться дальше. Тебе советую сделать то же самое. Кстати, я же теперь прохожу интерактивное обучение. Врачом, конечно, не буду, но экономика тоже вполне интересное занятие.

– Я так за тебя рада.

– Ой, лучше расскажи, как день первый в универе прошёл?

– Хорошо. Только как-то страшилок многовато мне понарасказывали. Социальное неравенство, элита, холопы. Бред какой-то.

Как бы я ни старалась это проигнорировать, но от этих предостережений меня передернуло.

В прошлом году все общались друг с другом на равных, правда, и Дягилевой тогда не было. Она к середине года перевелась. И вот теперь... меня не то чтобы это напрягает, но всё же заставляет почувствовать себя слегка не в своей тарелке. По крайней мере, почти на всех перерывах разговоры одногруппников сводились к тому, кто где был летом, какую новую шмотку приобрёл и в каких клубах тусил на выходных. Так вот в Турции из них никто не отдыхал, я услышала столько названий различных островов и городов, что померещилось, словно я снова в школе на уроке географии.

– Собище богатеньких уродцев?

– Да нет, все достаточно адекватные. Мне кажется, Аня преувеличивает...

– Это хорошо. Но ты всё же будь поаккуратнее, мало ли что у них там в башке. Может, вина? Отметим, так сказать.

– Тебе можно?

– Ой, да можно конечно. Достали эти таблетки. Так ты как? Поддержишь?

– Конечно.

– Ви-и-ить, принеси вино с балкона. Мама которое делала.

Витька копошится за стенкой, а потом приходит с пластиковой полторалитровой бутылочкой красного напитка.

– Малиновое, – ставит на стол, – вы тут без фанатизма, а то некоторым завтра ещё на массаж, – стреляет в Олю глазами.

– Я помню. Мы немного.

– Сестрён, пока Элька здесь, я до сервиса добегу. Анатолий Андреевич работу предложил

– Иди, конечно, – распоряжается Оля.

А меня слегка передёргивает от имени бывшего свёкра.

Когда мы остаёмся вдвоём, я хозяйничаю под Олюшкиным чутким руководством, выставляя на стол пару тарелочек с едой.

– Ну всё, садись, хватит уже, – хмурится подруга, – как ты? Грустная такая.

– Нормальная, Оль, просто... сама знаешь. Никогда бы даже в страшном сне не представила, что наши жизни сложатся вот так. Извини, давай не будем. Лучше выпьем. За встречу!

– За неё. Кстати, вчера следователь этот несуразный приходил. Сказал, дело закрыли.

– В смысле?

Хорошо, что я уже успела проглотить вино, иначе оно бы встало у меня поперёк горла от таких новостей.

– Сами мы, Элька, в кювет слетели. Никто в нас не въезжал.

– Что за бред?

– А вот так. Записи с камер якобы нет и никогда не было. Машина наша в мясо, никаких улик удара, короче, сами мы. Скорость, наверное, превысили, а участок был не безопасный.

– Но как же так? Я помню. Я помню красную машину. Красную спортивную машину, Оля!

– Беда в том, что ты одна её помнишь. Меня сразу вырубило, я понять ничего не успела. А Витька видел только, как его фары слепили, но опять же, что со страху ни померещится. Да ещё и под градусом.

– Каким градусом?

– А так, следак сказал, что Витька пьяный был. Да-да, врачи заключение в тот же день дали, сразу после операции, и в крови алкоголь был.

– Мы же не пили, – шепчу, – мы чернику собирали. И не было никакого заключения. Ещё месяц назад не было!

– Вот и пособирали. Весело, Элька, так весело, что выть от этого веселья хочется.

– Может быть, можно что-то ещё сделать... адвоката нанять другого.

– Думаю, там уже ничего не изменится. Всё уже решили где-то сверху. Очень далеко от нашего с тобой мира.

Ответить мне на это нечем. Мы сидим так часа три. Болтаем, пьём чай, и я ухожу домой. Пока иду по тротуару, меня не покидает ощущение, что на меня кто-то смотрит. Оглядываюсь, но позади никого нет. Паранойя какая-то. Ускоряю шаг и почти забегаю в подъезд.

Мама встречает меня тёплым и вкусным ужином. Подробно расспрашивая о том, как прошёл день, и сильно расстраивается, когда узнаёт новость о следствии. И я её понимаю, самой тошно.

Глава 2

Смотрю в боковое зеркало и сдаю немного назад. Пара сантиметров отделяет меня от стоящей сзади груды металлолома.

Из машины охраны уже успевают выскочить верные церберы, искоса поглядывая на мои действия.

Что я, собственно, делаю? Втискиваюсь в ряд машин, в аккурат под знак «стоянка запрещена». Знаю, знаю, если проехать метров четыреста вперёд, то там будет свободное место, но у меня нет желания туда ехать. Я остановился здесь, а значит, и припаркуюсь тоже здесь.

Да, водителю, которого я подпёр, не повезёт, если он решит свалить отсюда раньше меня, но это его проблемы. И лучше ему не пытаться сделать их моими, ведь Артурио и Василий в мгновение ока будут спущены с поводка и подробно ему объяснят, что так делать не стоит.

Глушу двигатель и выхожу на улицу. Эта погода раздражает. Как кайфово было на яхте. Жара, тусы... А здесь? Полнейшее уныние. Но даже там мой вездесущий батя не дал мне оттянуться. Притащил обратно в Москву. Не сам, конечно, к чему пачкать руки? Его свита ему в помощь.

И вот я здесь. Помятый, с перекошенной рожей и не спавший почти двое суток.

Где-то на пятом этаже пересекаюсь с Дягилевым, этот чёрт выглядит не лучше меня, опять зависал со шлюхами по клубам. В таких заездах я не участвую. Брезгую, мало ли где и кто в них побывал. Мерзость же.

Захар выставляет ладонь для рукопожатия, явно замечая мою отстранённую рожу.

– Слышь, белоручка...

Всё же здороваюсь с ним и сразу выдавливаю на руки антисептика. Откуда я знаю, где и с кем он тусил, хрен его знает, поэтому лучше перестраховаться.

Дягилев привык к моим закидонам и внимания уже давно не обращает. Ну, или делает вид.

– Смотри какая, – облизывая свою рожу, пялится на зад пробегающей мимо нас девчонки в отвратительных ботинках.

– Что за нафталин? Захарий? Она эти тапки, явно с покойной бабки сняла.

– Да ты не туда смотришь, на задницу смотри. Крутая деваха.

Приподымаю бровь, не видя ничего выдающегося. Дешёвые джинсы, в которые втиснута самая обычная жопа. Что я, жоп не видел? Бред.

– Посредственность.

– Я её здесь раньше не видел.

– А ты что, здесь всех знаешь?

– Ну с симпатичными мордами, сиськами и жопами – всех.

– Какой моветон, господин Дягилев. Разве матушка с батенькой не учили вас хорошим манерам?

– Слышь, ты чего такой козёл, ещё и с самого утра?

– Спать хочу. Но обещал «любимому» отцу быть сегодня здесь как штык.

– Ладно, буржуй, пошли похаваем.

– Бутылка минералки мне не мешает, – убираю руки в карманы, оглядываясь на ушедшую в конец коридора девчонку. – Хотя лучше бы джина.

– Так поехали.

– Говорю же, клятвенно обещал торчать здесь весь день.

– Боишься, что опять отец психанёт?

– Мне бы этого не хотелось.

Морщусь, вспоминая, как год назад приходилось побираться по друзьям. Папенька тогда был явно не в духе. Ну подумаешь, немного перегнули палку, перебрали, с кем не бывает? А у него планку так сорвало, что берегись все в радиусе ста километров. Хорошо хоть Шелест ключи от пентхауса в штатах дал. А то пришлось бы жить в коробке. Утрирую, конечно, но где-то переждать гнев громовержца мне было необходимо. И лучше подальше.

До четырёх я тусуюсь в этой обители знаний и с чистой совестью и чувством выполненного долга выхожу на улицу. Артурио плячется в лобовуху тачки, на которой они таскаются за мной по пятам.

Они приставлены, конечно, не столько меня охранять, сколько следить и стучать батю о каждом моем шаге. Хотя, думаю, он их нечасто выслушивает. Ему, в принципе, не интересно, где я и чем занят.

Они поставлены, конечно, не столько меня охранять, сколько следить и стучать батю о каждом моем шаге. Хотя, думаю, он их нечасто выслушивает. Ему, в принципе, не интересно, где я и чем занят.

Мой отец – не рядовой бизнесмен, не влиятельный инвестор, нет. В моей семье всё запущено гораздо хуже. Мой отец – это особая каста миллиардеров. Если в двух словах, то он один из столпов отечественной экономики, если в пяти, то один из десятки ключевых олигархов,

по совместительству возглавляющих компании, выручка которых эквивалентна четверти ВВП. Иногда СМИ называют их спутниками. Спросите чьими? Президентскими. Когда ты контролируешь одну из высот российской экономики, то вся твоя жизнь – работа. Ты сам – олицетворение своей работы, со всеми вытекающими...

Моя характеристика отцу очень тесно переплетается с одним-единственным словом – призрак. Многие о нём слышали, но видели лишь единицы.

Только частные самолёты, закрытые курорты (а лучше аренда целого острова), никакой прессы, фото, интервью, светских мероприятий, ничего. Охрана по максимуму, жизнь по графику. Строго. Чётко. Ясно. Как он выглядит, какое имеет состояние, есть ли у него семья, знает лишь круг приближённых лиц. Почти все, кто имеют с ним дела, даже в лицо его не видели. Всё, что им перепадает, это размашистая подпись на контракте – в лучшем случае. В худшем же – они лишь добыча для всегда голодной машины-убийцы, готовой поглотить их в любой момент.

И это, я скажу вам, ни фига не радостно – жить в такой семье. Роскошь, бабки... это всё поверхностно. Всё куда сложнее. Я с пелёнок в системе.

Мой отец – жестокий и безразличный человек. Ему плевать на меня. плевать на всех.

Я могу делать всё, что хочу. Любые мои косяки закроются по шевелению одного его пальца. Никто и ничего не узнает. Все в курсе, что я очень богат, но никто толком не знает, кто мой отец. Как он выглядит и существует ли вообще.

А мне, ровно, как и моему отцу не интересны мирские проблемы, потому что у меня их просто нет.

Дождь закончился, но от этой унылой пародии настоящего солнца веселее не стало. Сразу вспоминаются палёные тапки на ногах той девчонки. Примерно вот такая же муть.

Спускаюсь по ступенькам, когда Дягилевская лапа ложится мне на плечо.

– О, смотри, опять эта пошла. С жопой которая.

– Было бы страшно, если без, – иду к тачке.

– Слушай, надо бы с ней познакомиться. Зуб даю, новенькая она. Не москвичка явно. Забитая вся.

– Ты думаешь, что забитые только за третьим кольцом обитают? Я поспешу тебя расстроить, друг мой.

– Думаешь?

– Ага.

– Да пох вообще.

– Не поведётся.

– На меня? Да тачку увидит и сразу ноги раздвинет. Что я их, не знаю, что ли? Ну максимум цветочки и ресторан еще.

– Таких не знаешь. Целка она и бабло ей своё не интересно. Веник туда же.

– Не рассказывай, все ведутся.

– А я и не сказал, что совсем не поведётся. Поведётся, конечно, но, если ты будешь работать по своей привычной схеме, тебя ждёт облом. Огромный такой.

– Гонишь!

– Ничуть. Ты посмотри на неё, тихоня-тихоней. Книжки читает, на учебу, как на праздник, бегают. Сто процентов по клубам не ходит и маме дома помогает.

– Слышь, Доронин, раз такой знаток душ, давай вместе. На кого поведётся и кому даст, тот отдаёт свою тачку.

– Мне это зачем?

– Спортивный интерес?!

– Слабовато.

– Уделать меня.

– Тоже не великая радость.

– Пополнить свой кукольный домик.

– Не той модели кукла, да и фасончик так себе.

– Так приоденешь, если она, конечно, тебя выберет. Эт ж самый кайф – посмотреть, как эта замарашка будет пытаться нам соответствовать, сам знаешь.

– Я обдумую твоё предложение на досуге.

– Ставлю свой мерин. С тебя Континенталь, – не унимается Дягилев.

– Говорю же, подумаю. Ты ща куда?

– Вику жду, просила домой докинуть.

– Привет ей.

– Ага, передам. Жаль, что вы расстались, сестрёнка всё ещё по тебе сохнет.

– Позвоню, – сажусь в машину, чтобы побыстрее свалить и не столкнуться с его долбанутой сестрой.

Слушать о Викушиной душевной травме мне незачем. Это только её проблемы. Мы славно потусили, с меня хватит. Она сама предложила без обязательств. Теперь сидит страдает. Не дура ли?

Пока еду домой, начинаю прикидывать план действий. Я хоть на Континентале не езжу, но отдавать его Дягилеву жалко, да и не играл я давно.

Эта забава началась ещё в Европе, мы с Захаром учились в частной школе, и нам было лет по шестнадцать. Игра была до неприличия проста, находишь какую-нибудь миленькую простушку и разводишь на всё, что только можно. Она, уверенная, что одна-единственная и непременно любовь всей твоей жизни, заглядывает тебе в рот. Отдаёт своё самое сокровенное, блея, что любит, и конечно, пытается тебе соответствовать. Наивная. Кто она и кто я?!

Они серьёзно верят в то, что это возможно? Один случай на миллион. Не больше.

Пока она грезит единорогами, ты ей поддакиваешь, а потом конкретно так и при всех подрезаешь крылья. Высшим пилотажем было снять хоум-видео и, конечно, выставить его на всеобщее обозрение в каком-нибудь клубешнике, под завершение этого романа.

Жёстко? Возможно! Только вывод один – не прыгай выше головы, ничем хорошим не обернётся.

Дома забегаю на кухню, сталкиваясь с Мариной. Она с интересом смотрит на то, как я выдавливаю себе в рот сок из половинки лимона, и делает глоток чая.

– Здравсьте, тётъ Марин.

– И тебе добрый день, Даниил. Как первый учебный день?

– Со знанием, что это последний учебный год, вполне неплохо.

– Есть будешь?

– Не, я спать. Отец дома?

– Будет к ужину.

– Вот до ужина я и посплю.

– Давай-давай.

Марина уходит, оставив чашку на столе, и её в момент убирает... хрен знает, как эту девку зовут. Горничная какая-то. Я их лиц не то что не помню, я их не различаю.

Скажи я такое вслух, мой распрекрасный папенька прочёл бы с десяток лекций, но, с другой стороны, чего он ожидал? Если воспитывало меня его бабло, а не он и мама.

Они развелись, когда мне было года три. С тех времён я жил либо в Москве с бабушкой Аней, матерью отца, либо в Италии с моей мамой и её новым хахалем. Ну, теперь уже мужем. Витторио. Типчик альфонсовой наружности, балерун какой-то. Вроде как даже известный. Второй вариант проживания, мне, кстати не особо нравился.

Пока была жива бабушка, было весело. Я её очень хорошо помню, когда она умерла, мне было двенадцать. Я тогда много-много ночей, как девчонка, выл в подушку. А потом, потом отец засунул меня в частную школу. В Лондоне. Поначалу мне было там некомфортно, но я быстро привык. В среде себе подобных адаптироваться всегда легче. Там, кстати, мы и познакомились с Дягилевым.

А годам к пятнадцати я окончательно понял, что мне повезло родиться тем, кто я есть. Потому что я могу делать абсолютно всё, что только пожелаю.

Отец никогда не скупился на деньги. Ему было проще заплатить, чем в чём-то разбираться. И это очень радовало маму. Маму, которая до сих пор ошивается у широкого отцовского кармана, по факту батя содержит и её, и её молодого муженька.

Кстати, говоря о маме, через непоколебимый авторитет Марины, на которую все в этом доме молятся, невольно начинаешь понимать, почему с матерью отец развёлся. Просто небо и земля. Марина любит отца, а вот мамулька любила только его деньги, кстати, никогда этого и не скрывала.

В общем, семейка ещё та. Санта-Барбара нервно курит в сторонке.

Заваливаюсь на кровать прямо в кроссовках. А в мыслях возвращаюсь к нашему с Захаром недоспору. Теперь же надо с ней заобщаться. С девчонкой этой. Хотя делать мне этого не хочется. Мне она не нравится. Слишком просто. Даже скучно. Никакой изюминки. Серая. Неприметная, может, немного смазливая, не больше.

В принципе, я уже завязал с этими играми. Приелись. А Дягилев сука, опять хочет втянуть. И завязал я с ними не потому, что мне жалко девочек этих. Нет. Просто они все одинаковые. Бедняжечки, обиженные судьбой. Как на подбор. А внутри такая гниль, похлеще моей будет. Они корчат из себя святую простоту, а дорвавшись до чего-то материального, готовы продаться и продать все свои принципы.

Нет, есть и другие. Но там вообще аут. Столько правильности, ценностей, что задохнуться хочется. Короче, всё вот это не моё. Явно. Да и говорить мне с ними не о чем. Приходишь ты с такой вот матрёшкой в ресторан, вроде как пообщаться, а на деле она лишь башкой мотает и рассматривает окружающих, как музейные экспонаты. И не только ресторанов это касается.

Разные классы на то и разные, что одним у других места нет. Не приживаются они там. А если ловят удачу, то так же быстро её упускают.

Вот именно поэтому не хочу я опять в это болото лезть. Никакого желания нет. Но Дягилев теперь не отвяжется. Да и, честно, не вижу я смысла девчонке жизнь портить. Её же потом в универе заклюют, прохода не дадут. Викуша Дягилева одной из первых будет, кто решит прилюдно казнь на весь универ повторить. Да и светиться с такими выходками мне сейчас ни к чему, отец ясно дал это понять, а я не настроен его провоцировать на гнев. Да и Шелест не поймёт... и, наверное, его мнение в этой ситуации для меня в большем приоритете, чем какие-то данные отцу обещания.

Глава 3

С первого сентября прошло уже две недели. Анька ко мне больше не подходила, и я уверена, что это из-за Карины.

Оказалось, что Карина, наша одноклассница, член студенческого профсоюза, куда я тоже решила податься. Когда Каринка об этом узнала, то подошла ко мне первая, так мы и начали общаться. Дружбой это назвать нельзя, но теперь я не одиночка. Карина познакомила меня ещё с несколькими ребятами из группы, и они оказались очень даже классными, неясно, чего Аня так на них агрессивна.

Да, насчёт Дягилевой и Ольховской она права, но вот насчёт остальных... нет.

– Эль, ты пойдёшь?

Поднимаю голову, видя перед собой Карину, кстати, она ещё и наша староста.

– Куда?

– Мы вечером хотим посидеть группой, пообщаться. Ты как? С нами?

– Да. Почему нет?!

– Отлично. Мы в «Турандот» собираемся...

Дальше я не слушаю. «Турандот» – не самый бюджетный вариант, и моих карманных хватит с условием того, что остальную неделю, а то и две, я буду ходить голодная. Просить денег у мамы мне не хочется, они и так слишком много потратились, да и каждую копейку мы сейчас копим на операцию. Поэтому просто проесть и так нелишние деньги будет свинством. Мне хочется посидеть с ребятами, но, видимо, не сегодня.

– Блин, Карин, забыла, у меня уже встреча на вечер запланирована, совсем из головы вылетело.

– Или денег нет, да, Разумовская? – вмешивается Дягилева. – А мы, между прочим, для тебя с этими вон, – пренебрежительно тыкает пальцем на Карину и Олега, – старались выбрать местечко попроще.

Вика рассматривает свой маникюр, а после поднимает взгляд на меня.

– Так ты скажи, мы можем одолжить, правда, ребят? Скинемся нашей прогульщице на стейк. Тебе как, с кровью или средней прожарки? – её хохот настолько мерзкий, что хочется закрыть уши руками. – Карин, я же говорила! Она не из наших, зря ты с ней возишься. Благотельница, блин.

Карина молчит, а я понимаю, что она никогда не станет перечить Вике. Никогда. Вот вам и новые знакомые.

Анька же поглядывает на меня с жалостью и явным сочувствием. А я смотрю сквозь Дягилеву и не могу выбить из себя и слова. Просто молчу и пялюсь в одну точку. Меня накрывает какой-то отстранённостью, а ещё теперь я наконец начинаю понимать, от чего Аня хотела меня предостеречь.

– Отвали от неё, – Анька садится ко мне, – достала, Дягилева.

– Что ты сказала?

– За*бала ты всех!

До этого посмеивающаяся толпа затихает. Дягилева багровеет на глазах.

– Лучше сейчас же извинись, – прищуривается, – слышишь, ты!

Анька тянет вытягивает меня из аудитории.

Дягилева орёт что-то вслед, но я не разбираю. Всё ещё в своём немом шоке. Меня никогда так не унижали. Никто и никогда не говорил мне подобных вещей. Да и за что?

Аня толкает дверь в туалет, бегло осматривается на наличие других людей.

– Пусто, – заключает, крепче сжимая мою ладонь. – Не реви. Она идиотка. А я тебе говорила, не общайся с ними. Со всеми, кем Дягилева крутит.

– Да она почти со всеми в группе...

– Так вот с почти всеми и не общайся. Тебе же хуже!

– Да, ты была права, -уныло поддакиваю.

– Конечно права. Ладно, пошли обратно, пару никто не отменял.

– Не пойду, никуда я не пойду.

– Так быстро сдалась? Ну подумай, посмеялись те, у кого мозга с булавку, вот беда-то?!

– Ты не понимаешь, я... меня... такого никогда не было. Никогда.

– Ты что, из тех школьных красавиц-отличниц? За первой партой сидела, да? А вокруг толпа парней?

– Один, – пишу, – один.

– Уже легче, – Анька смеется, – ну значит, привыкнешь, подруга, или можешь в параллель перевестись попробовать... но не думаю, что получится, у нас и так перебор по численности. В том году почти весь бюджет слили. Поэтому лучше не рыпаться и внимание к себе не привлекать.

– Не привлекать... Аня, прикрой меня, я пойду домой. Мне нужно немного переварить всё это.

– Ладно. Иди. Но лучше тебе, сейчас, вернуться. Дягилева ещё больше прицепится, если поймёт, что настолько задела.

Я думаю несколько минут, прежде чем делаю уверенный шаг обратно.

Мы возвращаемся в аудиторию, и я молча сажусь на своё место. Вика пренебрежительно смотрит мне вслед, а потом, хихикая, что-то шепчет Арине Ольховской.

Остаток дня проходит как в тумане, и мне очень хочется поскорее сбежать домой. На большой перемене, в столовой, ко мне подсаживается какой-то парень. Я его где-то видела, но не могу вспомнить где... может, в первый день? Точно!

– Привет. Ты чего такая грустная? Обидел кто, только скажи, всех накажем, – ухмыляется.

– Нет, всё в порядке, – поднимаю на него глаза.

– Я Захар.

– Эля.

– Классное имя, а полностью Эльвира, да?

– Эльвира.

– Может, прокатимся вечером? Ночная Москва, все дела.

Он говорит вроде серьёзно, но я явно слышу подтекст, а ещё его взгляд постоянно опускается на мою грудь.

– Братик, – за спиной раздаётся писклявый голосок Дягилевой, – ты чего это здесь? С ней?!

Хмыкает, смотря на меня как на мусор, я не вижу, но догадаться не сложно.

– Отвали, Вик!

– Ты охренел. Ещё не хватало, чтоб мой брат с этой убогой путался.

– Свали, – сквозь зубы.

Я чувствую, как горят щеки, и, подорвавшись со стула, иду на выход. Он что-то мне кричит, но я не слышу. Мне нужно домой. Домой.

Неужели он её брат?

Я так хотела здесь учиться, а теперь... теперь понимаю, насколько это было дурацкой идеей. Видимо, таким, как я, тут действительно не место.

Выбегаю во двор и, почти сразу, налетаю на стоящего на ступенях парня. Он немного подаётся вперёд и матерится. Зажмуриваюсь, а когда открываю глаза, то понимаю, что из-за меня он уронил телефон, который разбился об асфальт.

Чёрт! Только этого мне не хватало.

– Извини, – начинаю лепетать, присаживаясь, как и он, на корточки, – я верну деньги, правда. Прости.

Он выпрямляется и теперь смотрит на меня сверху вниз. У него такой взгляд, хочется провалиться под землю. Внутренне сжимаюсь, медленно осозная, что, кажется, я только что разбила очень дорогой телефон. Прекрасно, и как я верну ему деньги? Почему всё это происходит со мной? Ну почему?!

Незнакомец протягивает мне руку, помогая подняться. Выпрямляюсь, всматриваясь в его лицо. Отточенные, словно из камня, черты. Узкий нос, аристократичные скулы, лёгкая щетина и синие, как море, глаза. Яркие, будто ненастоящие. Кукольные какие-то и холодные. Безразличные ко всему происходящему. Он небрежно проводит ладонью по волосам, взъерошивая уложенную наверх чёлку тёмно-русых волос, хмурится, так же детально изучая моё лицо.

Кажется, я становлюсь пунцовой под этим пристальным взглядом.

– Даниил.

– Эля, – шепчу, – Эльвира.

– От кого убегала?

– Там этот Дягилев, – машу рукой куда-то в сторону, – и сестра его, – поджимаю губы, осозная, что несу всю эту чушь незнакомому человеку. А потом я понимаю, что видела его тогда, в первый день. Он сидел на подоконнике с этим самым Дягилевым.

– Извини, я не хотела...

– Не хотела чего?

– Тебя обидеть, он же, твой друг, кажется. Я вас видела вместе.

– Так, знакомый.

– Понятно. А за телефон я верну. Правда верну, только не сразу и...

– Ладно, что-нибудь придумаем.

Смотрю на него, как идиотка. Мне стыдно. Очень стыдно.

– Ты здесь учишься? – оглядываюсь на здание университета.

– Да. Ты первокурсница? Не видел тебя раньше.

– Второй уже. Академ был, но разрешили сессию досдать пропущенную.

– Отличница?

– Что-то вроде того. Ты прости за телефон. Я всё верну, правда. Поговорю с родителями. Оставь свой номер и мой запиши. Не переживай, я не скроюсь и всё верну.

– Я и не переживаю, Эля, – улыбается, но как-то хищно, что ли.

Мы быстро обмениваемся номерами, и я спешу исчезнуть. Очень, ну просто очень хочу уйти отсюда, как можно дальше.

– Извини ещё раз.

– Да нормально всё. Правда. Может, кофе попьем? Я угощаю.

– Прости, опаздываю. Давай в другой раз, я вечером позвоню по поводу ремонта, хорошо?

– Хорошо.

– Пока, – пячусь, а после резко разворачиваюсь и почти бегом несусь к метро.

Денёк выдался ужасный. А так всё хорошо начиналось. Домой мне идти боязно, и не потому, что родители будут ругать, нет, мне просто стыдно. Они, конечно, найдут деньги, только вот сколько я ещё буду приносить им беды? Может, стоит попробовать устроиться на работу? А что? Многие подрабатывают, чем я хуже? В профкоме всё равно пока всё на общественных началах, да и меня туда ещё не взяли. И не факт теперь, что возьмут.

А если я устроюсь в какое-нибудь кафе на полставки официанткой, то вполне смогу заработать и вернуть родителям деньги. Или, может, ничего им не говорить и отдать Даниилу всё по частям? Хотя вряд ли это его устроит. Ладно, нужно переспать с этой мыслью и родителей пока не тревожить.

Вечером мы собираемся за столом все вместе, ужинаем. Отец наконец-то приехал домой из очередной поездки и привёз целую партию товара. Сумки, кожаные женские сумки.

– Эля, ты сегодня какая-то грустная.

– Нормальная, пап. Всё хорошо.

– Точно?

– Конечно. Я пойду прогуляюсь немного, голову проветрю.

Родители смотрят с волнением, но ничего не говорят. Я выхожу во двор и наматываю круги вокруг дома. Что мне делать?

В наушниках резко замолкает музыка и начинает вопить звонок. Вытаскиваю телефон из рюкзака, на экране горит «Даниил».

Я должна ему что-то ответить. Соврать, что всё хорошо и я завтра верну деньги? Так я не верну. У меня их нет. И что делать? Он и так себя очень адекватно повёл, хотя мог устроить скандал. Что говорить?

Набираю в грудь побольше воздуха, нажимая «ответ».

– Привет! -доносится сквозь музыку. Кажется он в машине.

– Привет.

– Ты ещё не передумала возвращать за ремонт?

– Нет, конечно. Ты что... просто... мне нужно немного больше времени.

– Отлично. Скажи, откуда тебя забрать, дело есть.

Диктую адрес, и он отключается. Минут через двадцать у шоколадницы останавливается чёрный неприметный седан, у нас такими половина двора заставлена, из которого выходит Данил.

Я сижу за столиком у окна. Поэтому прекрасно, вижу, как он заходит внутрь.

– Привет, – присаживается напротив, – как дела?

– Если честно, не очень. Я не сказала родителям. Но я верну, правда...

– Короче, – кладёт ключи от машины на стол, – у моего знакомого в клубе, они недавно открылись, не хватает персонала. Так вот, там есть вакансии официантки. Хорошая ставка, тысяч пять смена, поэтому быстро всё вернёшь.

– Серьёзно?

– Такими вещами не шутят, – улыбается, – заведение приличное.

– Конечно, я согласна, – часто киваю.

Сама же хотела работу, а теперь, она просто сама в руки плывет.

– Хорошо, поехали тогда, познакомлю с управляющим.

– А в течение какого времени мне надо вернуть деньги?

– Как заработаешь, так и отдашь. Я завтра в ремонт забегу, пусть оценят.

– Хорошо, спасибо тебе за понимание.

– Да не за что. Поехали.

– Поехали. Только недолго, родители будут волноваться

Он кивает и сразу отворачивается.

В машину сажусь с опаской. Мы едем по уже сумеречной Москве, а у меня трясутся поджилки. Я так и не смогла до конца побороть этот страх. До сих пор побаиваюсь машин и стараюсь чаще передвигаться пешком или на метро.

В клуб мы заходим вдвоём, Данил подталкивает меня вперёд, направляя в коридор, скрывающийся за основным залом и баром.

– Привет, – открывает дверь и по-хозяйски проходит внутрь.

– Даня, – как-то боязливо отзывается парень, расположившийся в большом, но очень тёмном кабинете.

Он смотрит на меня немного сконфуженно, а я ловлю себя на мысли, что он совсем не вписывается сюда. В этот кабинет. Атмосферу. Он слишком чужой здесь.

– Антон, это Эля, мы с тобой о ней говорили.

Антон приветливо улыбается, оценивающе изучая мою фигуру. Это не очень приятно, но ладно. Перетерплю. Улыбаюсь в ответ.

– Согласна? Пока только на дневные смены.

Киваю.

– Отлично. Персонала сейчас не хватает, да и вечная текучка. То воруют, то опаздывают...

– Понимаю, – стараюсь улыбнуться, но выходит кривенько.

Данил словно нас не слушает, сидит на диване закинув ногу на ногу.

Мне кажется, или этот Антон его побаивается? Сжимается весь от одного только взгляда. Дерганный весь, движения робкие, боязливые.

– Может, выпьем? – хозяин этой обители вытаскивает какую-то бутылку, а когда смотрит на моего нового знакомого, ставит обратно. И кадык у него дергается. – В следующий раз лучше. Работать надо, вы тут располагайтесь, я забегу ещё.

Антон уходит, оставляя нас вдвоём. Я зажимаюсь в угол и чувствую себя более чем неловко.

– Садись, чего там встала? Я не кусаюсь, – подает голос, проходя к столу.

– Да я тут. Мне, вообще, домой нужно. Такси вызвать надо.

– Не парься. Я отвезу.

Данил крутит в руках бутылку, которую держал Антон, хмурится и возвращает на полку с каким-то брезгливым видом.

– Поехали.

Киваю и хвостиком следую за ним до машины. Почему-то на обратном пути я не думаю о своих страхах, меня заботит другое. Не покидает чувство, будто я куда-то ввязываюсь, только не знаю куда. Станный он, этот Даниил. Очень странный.

Бросаю взгляд на его профиль, но тут же отвожу глаза.

– Приехали.

Он тормозит у моего подъезда. Но я не говорила ему свой адрес. Точно не говорила. Акцент я на этом, конечно, не делаю, просто ухожу домой. Мама ждёт меня на кухне. И как только я вхожу, выглядывает в прихожую.

– Кто тебя привёз?

– Знакомый... в универе познакомились.

– Как зовут?

– Даниил .

– Может, познакомишь нас с ним? – спрашивает с улыбкой.

– Нет, мам, ты не так поняла. Он не мой парень. Просто знакомый, правда. Честно-честно.

Мама поджимает губы, изо всех сил стараясь скрыть улыбку.

– Ладно, не волнуйся так. Чай будешь?

– Буду, – выдыхаю и иду за стол.

Так, теперь нужно как-то сказать о работе...

– Мам, я хочу устроиться на работу.

– Зачем? – непонимающе.

– Я не хочу сидеть у вас на шее. Ты же сама знаешь, какое сейчас для нас время. Если я буду зарабатывать на свои расходы сама...

– Не знаю, Эль, нужно с папой поговорить. Да и ты уверена, что это не будет тебя волновать, расстраивать? Что за работа вообще?

– Обычная. В кофейне, у меня одноклассница там подрабатывает.

Аня и правда что-то подобное говорила, поэтому я почти не вру. Просто, скажи я им про клуб, даже в дневные смены, вряд ли они согласятся.

– Официанткой?

– Ну, нужно ж с чего-то начинать...

– Конечно. Я не упрекаю, ты что?! Ладно, мы с папой обсудим, хорошо?

– Хорошо, – улыбаюсь, меня наконец отпускает это состояние беспробудной тоски, преследующее весь день.

Утром за завтраком папа даёт добро на мою работу, но просит быть аккуратнее. Киваю и еду на учебу. Ещё на улице встречаюсь с Аней, она что-то рассказывает, смеётся, стараюсь поддержать разговор, но сама никак не могу перестать думать об этом Даниле. Он странный. Очень странный, и это меня беспокоит.

– Ты чего такая унылая? Из-за Дягилевых? Что смотришь? Все знают о случае в столовой.

Быстро, однако, расходятся сплетни.

– Нет, не об этом. Просто на работу устроилась.

– Куда? Кем?

– Официанткой в «Саламандру».

– Тебя как туда занесло?

– Потом расскажу. Ладно?

– Хорошо. А из-за этих не парься.

– Да я и не парюсь. Просто день вчера был неудачный. Магнитные бури, наверное.

Глава 4

Чувствую толчок, и телефон сам выскальзывает из рук. Наблюдаю, как он скачет по ступенькам, хлопаясь экраном на асфальт. Весело.

Раздражение накрывает волной, но я пытаюсь его скрыть, так, пара матерных выражений.

Оборачиваюсь, сталкиваясь глазами с этой...

Ну та, про которую Дягилев никак заткнуться не может. Стоит, глазками хлопает. Забавно даже. Очень забавно.

Что-то бормочет, начинаю воспринимать, лишь когда слышу Захарушкину фамилию. Девочка явно не в восторге. Дягилев debil, конечно, но с его лёгкой руки в голове возникает одна простая идея. То, на что она явно поведётся.

Нашей девочке нравятся обычные, хорошие мальчики. Вот на этом и сыграем. Забираю из её рук листочек с номером телефона.

Сейчас мы стоим близко друг к другу, и я вполне могу рассмотреть её лицо. Обычное такое, непримечательное. Волосы длинные, за*бись. А в остальном – таких сотни. Пройдёт мимо, даже не замечу.

Но что-то притягательное в ней определенно есть. Или это уже Дягилевские мантры, не поймёшь сейчас. Пожалуй, стоит пообщаться с ней поближе уже сегодня. Раз она так хочет вернуть мне деньги, то я предоставлю ей такую возможность. К тому же будет на глазах.

– Эля, значит, – убираю листочек с номером в карман и иду на поиски Захарки.

Дягилев до сих пор тусуется в столовой. Викуля, кстати, тоже там. Увидев меня, чуть из трусов не выпрыгивает. Сразу тянет свои лапки с острыми, длинными ногтями.

– Ну что, Захар? Тебя уже отшили?

– Только первый раунд, малыш.

– Ну-ну. Я свой первый вот выиграл.

Дягель вытягивает шею, а после расслабленно откидывается на стул.

– Значит, в деле?

– В деле, в деле. Только мы с тобой не друзья.

– Чё?

– То. У тебя свой подход, у меня свой.

– Ты об этом. Да замётано.

– И в «Саламандре» не отсвечивай пока.

– Слушай, мне уже жутко интересно, что ты там мутишь.

– А тебе скажи. Давайте, дети, встаньте в круг и свалите в туман. Забыл, – оборачиваюсь уже на пути из столовой, – бантик подарочный на Скайлайн купи.

После универа еду к себе на квартиру. Долго шарюсь в инете и в итоге отсылаю Артура забрать тачку. Когда он пригоняет её во двор, то смотрят они с Васей на меня как на идиота. Конечно, Оптима после Авентадора – тот ещё цирк.

– Вы, кстати, теперь по пятам за мной не шляйтесь. Дистанцию держите. Спалитесь, попрошу отца сменить надзорных. У него вы вряд ли так прохлаждаться будете.

– Даниил Александрович, а вам зачем эта машина?

– Надо. Спектакль ставим, один очень занимательный спектакль.

К вечеру выезжаю на этом ведре в город. Это, конечно, треш, но что ради победы ни сделаешь? Делаю пару кругов по Садовому, а после звоню девчонке. У меня появилась одна идея. Раз она долбанула мой телефон, то я имею полное право требовать компенсацию. Для начала нужно сделать так, чтобы она привыкла к моему присутствию.

Для этого пусть потрудится официанткой в «Саламандре». Мой клуб. Отец подарил мне его на восемнадцатилетие. Пока она будет там, то точно никуда не денется. Только вот знать, что он мой, ей не обязательно. Я же хоть и сын богатых родителей, но всё своим горбом... Поэтому разыграем небольшой спектакль. С нашей мадам в главной роли.

Забираю её и везу в «Саламандру».

Пока едем, в глаза бросается одна деталь: сидит вся белая, словно смерть увидела. В одну точку смотрит и не шевелится. Это немного напрягает. Она вообще нормальная? Не психованная? А то мало ли, не хочется потом в рожу кислоты какой-нибудь получить.

У клуба она вылетает из машины на улицу пулей, не оглядывается даже. Не комментирую. Просто иду следом, между делом корректируя её маршрут.

В моем кабинете уже сидит Антон. Сука, актёр из него как из меня старший бармен. Хоть бы постарался, что ли. Хозяин клуба, с трудом верится.

Он что-то блеет и испаряется почти по щелчку. Хоть тут не оплошал. Ещё и виски коллекционный мой трогал. Беру бутылку, замечая на ней отпечатки его пальцев. Ладно, скажу потом, чтоб всё здесь вымыли. Ненавижу чужое присутствие в моём кабинете.

Всё это время она стоит, зажимаясь в угол, а я вот думаю о том, насколько надо быть с ветром в голове или блаженной, чтобы поехать куда-то ночью с незнакомым парнем, да ещё

и согласиться на сомнительную работу. А если тут притон... То, что она ведётся на мой трёп, конечно, хорошо, но если пораскинуть мозгами, то своими-то она вообще думает? Или как?

Она либо не в себе, либо ей не впервой на такие «подработки» ходить.
Впрочем, мне до этого нет дела.

Назад едем молча. Она мне не нравится. Абсолютно не нравится. Мне даже говорить с ней не хочется. Вроде надо, я же её склеить должен. Но вот совсем не заходит девка, хоть убей.

Отвожу её домой и только на обратном пути понимаю, что жёстко так подставился. Она мне не говорила адрес, зато вот ребята – да. Когда справки о ней наводили. Я особо не вчитывался, так, адрес посмотрел, и кто родители. Остальное, если честно, не сильно интересно. Вот по прочтённому адресу её и повёз. Дебил ты, Доронин.

Ладно, что-нибудь сокру.

Долго об этом думать мне не хочется. Да и времени нет. Еду в «Империю». Меня там уже ждут. Машину, кстати, не меняю, пусть поржут.

Захар как раз курит на верандах, увидев, из какого корыта я выползаю, начинает ржать. Прикуриваю и иду к нему.

– Это что за грудка железа?

– Это транспорт, который наша общая знакомая воспринимает адекватно.

– В смысле? – Дягилев, ты совсем дятел или где?

– Слышь, давай без этих твоих.

– Да просто всё, нашей Элечке нравятся обычные мальчики, а таких, как мы с тобой, она не слишком жалуёт. Богач ты мой недоделанный.

– Чё?

– Она очень лестно о тебе отзывалась после вашего с Викой спектакля в столовой. А ещё я тут узнал, что твоя сестрёнка жёстко так её троллит. Думаю, шансов у тебя ну примерно один на миллион.

– Вика, сучка! Б*я, я тогда слетаю, получается?

– Ну, попытка номер два тебе в помощь, но вряд ли это что-то изменит.

– Не нагнетай.

Слышу знакомый голос где-то поблизости.

– Самойлова, что ли, здесь?

– Ага, вчера из Берлина прилетела. Про тебя уже сто раз спросила.

– Пошёл я тогда.

Хлопаю Захарку по плечу и двигаю в зал. Сонька, видя меня, сразу кидается на шею. Она, как всегда, на высоте. Платье, оголяющее сиськи, макияж, каблучищи. При полном параде девка.

– Даня, я так по тебе скучала, – её пальцы касаются моей шеи, медленно опускаясь ниже.

Викуша, сидящая в углу, сверкает глазами и надувает губы, затягиваясь тонкой сигаретой.

– Дягилевская малышка-сестренка всё ещё по тебе сохнет? – смеётся, с откровенной жалостью смотря на Вику.

– Ага.

– Бедняжка. Поднимемся?

– Пошли, – сжимаю её ладонь, избегая по лестнице.

«Империя» – игровая зона. Здесь вечно тусуется толпа челов, желающих просадить лаве и совсем не желающих для этого улететь в Вегас.

Мы поднимаемся в номер, но Соня ещё в лифте спускает верх своего платья на живот, оголяя грудь, и изо всех сил прижимается своей тройкой ко мне.

У нас с ней общее прошлое и какое-то подобие отношений. Пока она старательно делает минет, устроившись на коленях между моих ног у кровати, я думаю о том, что расстаться с ней было правильным решением. Сонька – папина дочка с миллионным наследством и завышенной самооценкой. Кстати, в следующем месяце у неё свадьба. Я в числе гостей, желающих ей счастливой семейной жизни.

Минет она, вообще, никогда делать не умела. Вся там уже в своих слюнях, и хрен кончишь.

Это раздражает. Оттаскиваю её от члена, закидывая на кровать. Задираю её платье и, нашарив в джинсах презик, разрываю фольгу.

Но у Сонечки есть один плюс – трахать её можно во все дыры. Вся такая недотрога, растекающаяся лужицей перед членом, нет, конечно, перед тем, у которого за душой есть бабосики.

По-быстрому заканчиваю здесь и возвращаюсь к народу. Сонька, обдолбанная в хламину, ползёт следом. Пока я ходил в душ, эта дура успела разложить пару дорожек.

Вика смотрит как на врага, думает, мне есть до этого дело, но мне равно.

Выпиваю пару стопок текилы, прежде чем начинает разрываться телефон. Батя. Ему-то чего?

Выхожу на улицу во всё ещё расстёгнутой рубашке и отвечаю на звонок.

– Ты где?

– В «Империи», а что? – затягиваюсь.

– Жду тебя дома через час.

– Я не успею.

– А ты постарайся, сынок.

Выплёвываю жвачку и отключаюсь. Успей, б*я. Где эти два клоуна? Ищу Артурио с Васильком и, хлопнувшись мордой в сиденье, велю везти меня к папеньке.

Дома тишина. Поднимаюсь в отцовский кабинет. Он сидит, смотря на свой «Ролекс», а когда я сажусь в кресло напротив, переводит взгляд на меня.

– Пятнадцать минут.

– Что?

– Опоздал, говорю, на пятнадцать минут.

– Ты об этом, ну извиняй. Мог бы прислать вертолёт, если так невтерпёж.

– Не умничай.

– Чего ты хотел?

– Увидеть твою рожу, а то месяц уже на глаза не показываешься.

– А разве тебе есть дело до моей рожи?

– А как же, особенно когда она ни с того ни с сего покупает такую занимательную машину.

– Настучали уже.

– Доложили, – смеряет взглядом, – если ты куда-нибудь вляпаешься, пеняй на себя. Я даже пальцем больше не пошевелю. Хватит с меня.

– Никуда я не вляпаюсь.

– Я надеюсь. Ты не забыл, что завтра у матери день рождения?

Сука!

- Конечно нет, – строю непроницаемую мину.
- Подарок выбрал? – отец усмехается.
- Я в процессе.
- Ну-ну. Ладно, можешь возвращаться, откуда ты там явился?!
- Да уже как-то не хочется. Спать пойду.
- Ну давай-давай, спокойной ночи.
- Ага.

По пути в комнату сталкиваюсь с Мариной, она, как всегда, на высоте. Одаривает улыбкой, слегка замедляя шаг. Относится ко мне намного лучше отца, да и мамули моей тоже. Классная она, Марина. По крайней мере, как только отец на ней женился, то перестал ко мне лезть и устраивать скандалы.

- Привет, – убираю руки в карманы.
 - Привет-привет, ты сегодня рано.
 - Ага, потусишь тут с ним. Может, вы его увезёте на годик- другой куда, а?
- Она усмехается, но, ничего не ответив, идёт к отцу в кабинет.
- А было бы неплохо, – говорю ей вслед.

Мысленно возвращаюсь к сегодняшнему утру. Эля... Эля.

Интересный экземпляр и, кстати, не такая уж невзрачная, как казалось на первый взгляд. В ней определённо что-то есть... да, определённо.

К завтраку спускаюсь последним, а когда вижу отца, хочется перекреститься, он вообще в жизни на этой кухне не завтракал. Сажусь подальше, и Вероника Дмитриевна подаёт тарелку с какой-то выпечкой.

- Спасибо.
- Кушай, Данечка, кушай.
- Чем сегодня планируешь заниматься?
- В универ. А потом отдохнуть куда-нибудь.

– Умаялся бедняга. Представляешь, Марин, как моему сыну тяжело, ручку поднять не может. Да?

– Не начинай.

– Ладно, толку от тебя там нет, в универе твоём, в офис со мной поедешь.

– Зачем?

– Надо. Кстати, как клуб?

– Нормально. Развиваемся.

– Похвально, хоть где-то твои мозги работают.

– О, спасибо за столь лестную похвалу, отец.

– Саш! – уже Марина.

– А что? Я не прав? Хоть там всё не похерил.

– Саша...

– Ладно, – целует жену, – собирайся, отпрыск, внизу тебя жду.

Марина поджигает губы, смотрит сочувствующе.

– И как ты с ним живёшь?

– Люблю.

– Точно. Ладно, пошёл я переоденусь.

В офис я, конечно, не выражаюсь в строгий костюм-двойку, какие предпочитает любимый папочка, но рубашку надеваю, чёрную. Пусть знает, что у меня траур. Ненавижу его офис. Там только один плюс – неплохие такие секретарши.

Сажусь в тачку, сталкиваясь с его насмешливым взглядом.

– Ты как на парад.

– Старался. Слушай, а почему вы не отмечали?

– Чего?

– Свадьбу, мне кажется, Марине было бы приятно. Ну или хотя бы съездили куда-нибудь вдвоём, в Париж там, например, романтично.

- Ты когда в романтики заделаться успел?
- Я просто генерирую тебе гениальные идеи!
- В офисе лучше что-нибудь гениальное сгенерируй.

Глава 5

После учёбы я сразу бегу на работу. Антон мне лично показывает, что к чему, выдаёт форму и говорит, где можно переодеться. Я закрываюсь на щеколду и быстро меняю свои джинсы на чёрные лосины и удлинённую чёрную рубашку, сверху такой же чёрный фартук. Так себе наряд.

Убираю вещи в шкафчик и выхожу в зал. Днём здесь не многолюдно. Музыка играет совсем тихо, а ещё здесь очень светло. Огромные арочные окна до пола, а вечером я их даже не заметила.

Меня инструктируют. Алёна, официантка, рассказывает, что к чему, выдаёт меню, которое мне нужно знать назубок, кстати, как и винную карту. И на своём доблестном примере показывает, как они обслуживают клиентов. В принципе, ничего сложного.

Я около часа наблюдаю за работой со стороны, а потом отправляюсь в бой. Обслужить первого клиента – это что-то из разряда – запомнится на всю жизнь. По крайней мере, мои трясущиеся поджилки и бегающий взгляд – прямое тому доказательство.

Выдохнув, иду на кухню, вешая листок с заказом на доску.

На меня кидают заинтересованные взгляды, но это не больше, чем любопытство. Я новенькая, поэтому и являюсь объектом для глаз.

Но всё же есть здесь что-то странное. Алёна очень внимательно за мной наблюдает, с прищуром и ухмылкой. Она едва заметна, но я её вижу. У бара собирается кучка из официанток. Четыре штуки, включая меня.

– Справилась?

– Да, – пожимаю плечами, – что-то не так? Ты очень странно на меня смотришь.

– Тебе кажется. Это всё твоё волнение, – усмехается, – а ты Даню давно знаешь?

– Нет, а что?

– Да так. Удивительно, что он тебя сюда работать устроил.

– Почему? Я разбила его телефон, а он предложил неплохой способ, чтобы отдать ему деньги.

Алёна зависает и смотрит на меня как на привидение.

– Что, прости? Отдать деньги за разбитый телефон? Серьёзно?

– Ну да, а что в этом такого?

– Да ничего. Забей. Там пришли, – кивает на стол и исчезает в его направлении.

Девочки, стоящие рядом, тоже быстро расходятся и даже перешёптываются. Ничего не понимаю.

– Привет, – шелестит над самым ухом.

Оборачиваюсь.

– Привет, Даниил.

Он поправляет часы на руке, опираясь локтем на барную стойку.

– Как первый день?

– Хорошо. Пока справляюсь.

– Ты молодец. Когда заканчиваешь?

– А уже всё. Сказали учить меню, пока я его не знаю, особо толку от меня нет.

– Тебя подвезти?

– Я лучше пешком, – закусываю щёку, но всё же спрашиваю: – А откуда ты знаешь, где я живу? Адрес...

Вчера меня это очень взволновало, но озвучить я не решилась.

После ночных дум, решила, что лучше выяснить это сразу и напрямую. Смотрю на него в упор и не вижу ни единой эмоции. Он остаётся спокоен.

– Ты сама сказала, – заявляет так уверенно, что на секунду, я даже теряюсь.

– Я не говорила.

– Когда мы вчера вышли отсюда, ты назвала адрес, прежде чем сесть в машину.

– Нет... вроде не говорила.

– Так вроде или не говорила? Ты уже сомневаешься, – смотрит куда-то за моё плечо, – собирайся, я отвезу.

Он уходит в том направлении, куда смотрел, а я остаюсь стоять на месте с подозрением на склероз. Я не говорила... или сказала?! Блин, теперь не вспомнишь.

И я, вообще-то, пешком хотела...

В персоналке быстро переодеваюсь в свою одежду и, повесив сумку через плечо, иду к выходу. По пути сталкиваюсь с Асей. Ещё одна официантка, но с ней я сегодня почти не общалась.

– Эль, а ты давно Данила знаешь?

– Нет. А что?

Сговорились они, что ли?

– Да просто. Не важно.

– Что происходит? Сначала Алёна, теперь ты. Объяснись.

– Слушай, будь с ним поаккуратнее.

– С Данилом?

– С ним самым. Но я тебе этого не говорила. Хорошо?

– Ладно.

Хмурюсь и иду на выход. Даня ждёт меня на улице. Стоит мне выйти, как он выкидывает сигарету и садится в машину. Я, конечно, могу уйти, но мне неудобно. Не правильно это, поэтому сажусь в автомобиль, пристёгивая ремень безопасности.

Мы едем в тишине. Даже музыка не играет. Это очень напрягает. Чувствую себя более чем просто неудобно.

– Как прошёл твой день?

Ну не молчать же! Он немного ведёт подбородком в мою сторону. Наверное, молчать ему нравится больше. Сжимаю ручки сумки, тихо поскрёбывая по ним ногтями.

– Хорошо прошёл. А твой?

– Да тоже... ты узнал, сколько будет стоить ремонт?

– Тридцать.

– Ясно.

Да за эти деньги можно купить два телефона.

Оставшуюся дорогу мы молчим. И в атмосфере своего полнейшего казуса меня доставляют к дому.

– Спасибо, – дёргаю ручку, но дверь оказывается заблокированной, – это что значит?

– Прости, – открывает, но хватает меня за локоть.

Не сильно, но немного дискомфортно.

– Не убегай так быстро, я, вообще, хотел тебя позвать прогуляться. Вечером.

Я молчу, рассматриваю его лицо в полнейшей уверенности, что я чего-то недопонимаю. Что-то происходит. Но я не понимаю что. Всё это странно. Не его предложение, нет, а он. Он сам ведёт себя странно.

– Так как?

– Что?

– Прогуляемся?

– Думаю, это не самая хорошая идея.

– Приставать не буду.

– Ага, только тихо прожгу взглядом и замолчу, – бормочу.

– Что? – с улыбкой.

– Так, слышалось тебе. Я пойду.

– Ответь на моё предложение.

– Нет.

– Нет?

– Ага.

– Ты сейчас серьёзно?

Так спрашивает, будто он психиатр, а я пациент. А ещё в его взгляде удивление.

– Вполне себе серьёзно.

– Может, подумаешь?

– Подумала, ничего не поменялось.

– Может, подумаешь ещё? К тому же ты оставила меня без средства связи и...

– Ладно, – закатываю глаза, – только ради инвалида- телефона. В семь приезжай.

– Я не могу в семь.

- А я не могу не в семь.
- Слушай, Эля, – барабанит пальцами по рулю.
- Внимательно, – приподымаю бровь.
- В семь так в семь.

К семи я укладываю волосы, ну как укладываю, просто вытягиваю утюжком и немного начёсываю объёмчик у корней. Аккуратно, разомкнув губы, прокрашиваю ресницы, и они удлиняются на глазах. Румяна, хайлайтер, пудра, совсем капля блеска. Ах, ещё гель для бровей, чтоб пошире, и обязательно растушевать начало, а то палки какие-то выйдут.

Ну вот, очень неплохо вышло. Свеженько так.

Надеваю рубашку, заправляя её в джинсы, туфли и, накинув укороченную кожаную куртку, выхожу на улицу. Я не несусь туда в семь и, конечно, наблюдаю в окно за тем, как он уже два раза вышел покурить. Но что интересно, ни разу не позвонил и не поторопил.

Несусь по лестницам и останавливаюсь у самых дверей. Поправляю волосы и нажимаю на кнопку.

Дверь пищит и выпускает меня на улицу. Лениво иду в направлении машины.

– В следующий раз я приеду на час позже обговорённого времени, – открывает мне дверь, – садись уже.

- Ты очень любезен.
- Весь день репетировал.

Пристёгиваюсь и ставлю сумку на заднее сиденье.

- Так куда мы едем?
- Прогуляемся в центре немного.
- Тогда проще пересесть на метро. Быстрее будет. Сейчас самые пробки.
- В метро?

Мне показалось или он побрезговал? Вопрос прозвучал точно не без сарказма.

- В метро. Ты не едешь на метро?
- Давно не спускался.

– Так что?

– Не, так доедем.

Так, дак так. Хотя, когда время нашего стояния в пробке переваливает за два часа, я всё же вижу огромный смысл и правильность в своём предложении. Мне кажется, Данил теперь тоже это понимает.

Я не смотрю на него в упор, скорее подглядываю. Он барабанит пальцами по рулю, постоянно косится в зеркала и вообще кажется взбешённым.

Самый случай сказать:

– А я говорила, что на метро быстрее.

– Пошли тогда.

– Куда?

– В метро твоё.

– А машина?

– Да кому она нужна. Пошли уже.

Он вылезает на улицу, и мне приходится сделать то же самое. Москва стоит.

Мы выходим к тротуару, оставляя машину посреди дороги.

– Мне кажется, что мы сейчас создали ещё одну пробку...

– Одной больше, одной меньше.

Отмахивается и идёт вперёд.

– Метро в другой стороне. Вообще-то!

– Да?

– Ага.

Он молча разворачивается и, взяв меня за руку, топает туда, куда я указала.

– Мы можем прогуляться и здесь. Какая разница?

Он замедляет шаг.

– Да, ты, наверное, права. Как тебе работа?

– Ну, пока я ничего почти не делала, так что вполне себе.

– Это хорошо. Ты же на пиарщика учишься?

– Да. А ты?

– Международное право.

– Серьёзно. Слушай, прости за бестактный вопрос, но откуда ты знаешь Дягилева...?

– Мы одноклассники.

– Ясно.

– А что?

– Да так.

– Ты не любишь ездить на машине?

Его вопрос звучит, как выстрел. Это точно не та тема, на которую я готова говорить.

– С чего ты взял? – наигранно возмущаюсь.

Неужели он заметил? Боже, когда это уже пройдёт, этот страх? Он же когда-нибудь исчезнет?

– Не люблю скорость. Опасно, – пожимаю плечами.

– А я думал, есть какая-то история.

– Нет.

Сконфуженно опускаю взгляд, рассматривая ровный асфальт.

– Не нервничай так. Я же не настаиваю мне рассказывать.

– Давай сменим тему.

– Да без проблем.

Мы разговариваем о разном. Данил вспоминает забавные случаи из универа, а потом говорит о Англии.

– Ты был в Англии?

После моего вопроса он на секунду замолкает, словно осекается. Даже отворачивается.

– Учился там какое-то время, – говорит уже тише, засовывая руки в карманы джинсов.

– Здорово. А почему не остался?

– Отец настоял. Но это было до того, как я ушёл из дома.

– Ты ушёл из дома?

– Мой отец – своенравный типчик. Он хотел полностью контролировать мою жизнь, будущее, диктовал свои условия. Для кого-то, например, как Захар, это прекрасно, но вот совсем не по мне.

– Это очень серьёзный шаг. Вот так всё бросить. Ведь он твой отец, он тебя любит и, возможно, просто таким образом заботится?!

– Может быть. Только я хочу добиться в этой жизни всего сам. Понимаешь?

– Понимаю. Ты молодец. В основном всё происходит с точностью до наоборот. А кто он, твой отец?

– Он финансист. Средней руки. В офисе сидит, бумажки перебирает.

– А ты цифры, судя по всему, не любишь?

– Ненавижу.

– Я тоже. Когда пошла учиться, долго выбирала куда.

Мы останавливаемся на перекрестке. Светофор горит красным. Машины проползают со скоростью улитки. Настоящая вечерняя давка.

Чувствую на себе его взгляд. Холодный. Я бы даже сказала отталкивающий. Он всегда так смотрит, когда думает, что я не вижу.

– Слушай, – выдавливаю улыбку, – прости. Но мне домой нужно. Я обещала маме... совсем про время забыла.

Данил кивает. Лениво осматривается, и сведя брови, спрашивает:

– В метро?

– В метро.

Делаю шаг, но он так быстро притягивает меня к себе и целует, что я теряюсь. Меня никто и никогда так не целовал. Его пальцы зарываются в мои волосы, а язык проникает в рот всё глубже и глубже. Всё это так внезапно начинается и ровно так же заканчивается. Он отстраняется, придерживая меня за талию. На лице самодовольная ухмылка.

– Что это было? – шепчу.

– А ты не знаешь, как это называется?

– Знаю, просто ты...

– Ты опаздывала, помнишь?

Он тянет меня за руку вперёд, сплетая наши пальцы. Я топаю за ним следом и всё ещё нахожусь в шоке.

В моей голове полнейший хаос. Густой осадок от его взглядов, но вместе с тем, по телу пробегает приятная дрожь. Где-то глубоко внутри, он мне импонирует и даже нравится. Хотя по манерам полный говнюк, но что-то интригующее и необычное в нём явно присутствует.

Мы спускаемся в метро, платим за проезд, и я не понимаю почему, но мне кажется, что всё здесь находящееся ему чуждо. Он брезгливо и высокомерно осматривает всё вокруг и прикладывает карту к турникету.

На эскалаторе я смотрю на его руку, где красуются часы, и в голову лезут картинки с рекламой из какого-то журнала. Папа недавно листал и очень возмущался, что люди тратят такие деньги на подобные безделушки... Почему я вспомнила об этом сейчас?

У дома я улыбаюсь и достаю из сумки ключи. Данил наблюдает за моими действиями, а потом, как в сказке, вот он стоит с невозмутимым видом, весь такой деловой, а через секунду – вымокший до нитки, в полнейшем шоке и с яростной гримасой.

Мой истерический смех, наверное, слышат все соседи.

– Что за х*йня!, – пытается стряхнуть воду, но он до нитки.

– Это соседка с третьего этажа, – сквозь смех, – она немного того, постоянно что-нибудь подобное выкидывает. То водичкой окатит, то в домофон названивает, то по двору с проклятиями бежит.

Накрываю рот ладонью, замечая его злобный взгляд.

– Смешно тебе?

– Пр... прости. Пойдём, я дам тебе фен.

– Думаешь, поможет? – хмурится, расстёгивая рубашку.

– Надеюсь.

Очень опрометчивый поступок, Эля! Примерно так, мне твердит внутренний голос.

Мы поднимаемся в квартиру, а когда я оборачиваюсь, вижу, что он снял рубашку и остался в одних джинсах, еще на лестничной клетке. Если его так кто-то увидит, у соседей будет прекрасный повод для сплетен.

Приподымаю бровь.

– Холодно. Она мокрая.

– Проходи. Чай, кофе?

– Может, переспим? – заламывает бровь, а потом добавляет. – Это эффективнее, чтобы согреться.

Застываю, внимательно всматриваясь в его лицо. Он издевается. Выглядит серьезным, но глаза его выдают.

– Давай.

Это забавно – наблюдать за сменой эмоций на его лице. От смеха к неверию.

– Шучу, конечно. Ты не в моем вкусе, – иду на кухню. Знаю, что он идет следом.

– А кто, интересно, в твоём? Дягилев?

– Ну, уж точно нет. Они с сестрой друг друга стоят.

– Ты знаешь Вику?

– О да! Мы учимся в одной группе, – включаю чайник, – мерзкая особа.

– В точку.

– Ты с ней знаком?

– Не близко. Так где, ты сказала, фен?

– А, в ванной. Вторая дверь в прихожей.

Он уходит. Наливаю чай и сажусь за стол. И это хорошо, что я сижу. Потому что возвращается он в одних трусах.

– Ты в курсе, что ты в гостях?

– А ты в курсе, что весь мой шмот сырой?

– Ну, хоть бы полотенцем там завернулся...

– Зачем?

– Действительно. Незачем. Что за глупые вопросы я задаю?!

– Именно. Давай свой чай.

– Вот кружка, вот чайник. Я тебя приютила, а в кухарки не нанималась. Ещё и с подобными выкидонами.

– Да. Выкидонов у тебя много.

– Я о тебе.

– Серьёзно?

– Ты меня бесишь!

– Это гораздо лучше безразличия, впрочем, я всё равно этого не заметил, на поцелуй же ты ответила.

– У меня было помутнение рассудка. Где ты вещи оставил? В отжим кину, и утюгом досушим. Не насухо, но домой доберёшься.

– Там, в ванной валяются.

– Валяются?

– Ага.

Боже! Что за человек? Он вообще понимает, что делает? Или он издевается?

Нет. Его барахло и правда валяется в ванной. На машинке. И как оно, по его мнению, тут высохнуть должно? В горке этой?

Кидаю вещи в машинку и ставлю отжим. Не очень верю, что сильно поможет...

Вернувшись на кухню, понимаю, что она пуста. И где он? Выхожу в прихожую и готова орать от раздражения. Дверь в мою комнату открыта, свет включён, и он, конечно, расхаживает там как у себя дома.

Теперь жалею, что позвала, и что родители уехали из города до конца недели.

Рассматривает стоящие на полке предметы.

Там нет ничего такого... книги, пара фотографий, духи, которые он, кстати, открыл, понюхал и сделал разочарованное лицо, словно они навозом пахнут.

– Поставь на место и выметайся из моей комнаты.

– Не психуй.

– Я спокойна.

– Не вижу, – и смотрит на фото из больницы.

Это мама меня там зачем-то сфоткала, а я недавно перебирала коробку и вот какие-то снимки оставила здесь. Убрать забыла.

– Что с тобой было?

– Ничего. Положи на место, – выхватываю фотографию и кидаю в ящик.

Мне не тяжело об этом говорить. Точнее, я пытаюсь сделать вид, что мне всё равно. Это не так. Конечно, не так. Просто... не важно, в общем.

– Что там с вещами?

– Ну, сейчас погладишь, и высохнут. Да выйди ты уже отсюда, – толкаю его в спину к двери.

– Не нервничай так. Чем гладить?

– Тёркой, блин.

– Смешно.

– Обхохочешься.

– Не злись. Давай уже это сюда, так доеду.

– На, – вручаю ему вещи, которые я со скоростью света вытащила из машинки.

Он одевается прямо при мне, а я стараюсь на него не смотреть. Он меня бесит. Очень бесит. Раздражает прямо. Я злюсь на всю эту ситуацию и придумываю коварный план убийства. Но даже это не отменяет того, что он хорошо сложен. Нехотя, но я бросала взгляды, пока он тут расхаживал в трусах. Спортивное такое тело. Очень даже симпатичное. Определённо. Ещё эти тату на груди, спине.

Не о том, Эля, думаешь. Моргаю, понимая, что он оделся и успел заметить, что я на него пялюсь.

– Насмотрелась?

– Всё, проваливай.

– Повежливее, ты же хорошая девочка?!

– Иди отсюда! – указываю пальцем на дверь.

Знаю, что красная как рак и что тон у меня вовсе не грозный или обиженный. Но я просто хочу, чтобы он ушёл. Лёгкость вечера растаяла.

– Ухожу-ухожу.

– Отлично.

Иду за ним, чтобы закрыть дверь, но он не даёт мне этого сделать. Его ладони сжимают мои запястья и почти рывком тянут на себя. Я впечатываюсь лбом в его грудь, медленно поднимая голову.

Я чувствую его губы и то, как его тело в ещё недосохшей одежде прижимается ко мне. Его рука скользит по спине и ниже.

Резко отталкиваю его от себя.

– Ты охренел?

– Тебе же нравится.

– Мне не нравится.

– А твоё тело говорит другое.

– Когда не было секса почти год, оно и не то скажет.

– Год?

Он явно в шоке.

– Год-год, проваливай.

– Не, теперь я точно не уйду, пока не выслушаю эту занимательную историю.

– Знаешь, когда ты молчал и сидел с недовольным лицом сегодня в обед, то больше мне импонировал.

– Как грубо, Эльвира.

– Эля.

– ..?

– Не люблю своё полное имя.

– Эля.

– Иди уже.

Но он даже не думает. Просто отодвигает меня в сторону и возвращается на кухню.

Уже хочу идти следом, как в дверь звонят. Интересно кто? Смотрю в глазок и поджимаю пальчики на ногах. Андрей. Ну этого-то как сюда занесло?

Что моему бывшему мужу могло понадобиться от меня в час ночи?

Да, мне всего девятнадцать, но у меня за плечами есть и муж и даже развод.

Мы дружили с ним с детства. Все говорили, что когда вырастем, то обязательно поженимся. Так и случилось. Мы выросли, и Андрей пришёл к моему отцу просить руки. Красивый, в тёмно-синем пиджаке и бабочке. Я тогда стояла у слегка приоткрытой двери и подслушивала их разговор. Мне ещё не было восемнадцати. Папа, конечно, был в шоке, но он знал Андрюшу, как и его родителей. Да и я со своей детской непосредственностью и наивностью проплакала все глаза, умоляя папу дать своё согласие.

Наверное, это решение далось папе нелегко, но он всё же пошёл нам навстречу, согласился. Правда с условием: жить мы будем у нас. Сейчас я понимаю, что лучше бы он этого не делал. Но он так сильно меня любит, мой отец, что просто не смог отказать. Не отважился поранить моё сердце. Но лучше бы это сделал он. Лучше бы он...

В тот момент я активно готовилась к поступлению. Андрей учился в техникуме, попутно подрабатывая в автосервисе своего отца. Мы любили друг друга и были готовы к любым трудностям, ну... почти к любым.

Свадьба была уютной. Гостей немного. Все только самые близкие.

Белое платье, выкуп, лимузин, кафе... в общем, как у всех.

Когда папа желал нам счастья, у меня текли слезы.

На моем пальце, блестело кольцо, и я ловила себя на мысли, что мне это нравится. То, как оно там сидит, как смотрится. Нравится, но в моей душе пусто.

А ведь я даже не была полностью уверена. Андрей сделал мне предложение на выпускном, и я согласилась, а как не согласиться? Мы с детства вместе. Всегда и везде.

Вся моя жизнь ещё впереди. Я вышла замуж за человека, которого люблю, а может, это вовсе не мой человек? Я не знала.

Почему?

Я до сих пор не могу ответить себе на этот вопрос... почему?

Но ответа и не потребовалось, через полгода после нашей свадьбы мы с Виткой и Олькой возвращались с дачи, Андрей тогда с нами не поехал. Сослался на большое количество работы. Но я-то знала, что ему просто не нравятся мои друзья. Никогда не нравились. Он всегда общался с ребятами старше, поэтому с нами ему явно было не интересно, что в школе, что после её завершения.

Спустя три месяца после аварии его мать пришла к моей и со слезами на глазах просила прощения за своего сына, который подал на развод. Я узнала об этом не сразу, но его визиты

становились всё реже и реже, пока не прекратились совсем. А потом, потом папа мне всё рассказал. Что я тогда чувствовала? Не знаю.

А что может чувствовать человек с изуродованными огнём ногами и разбитым сердцем, почти три месяца невылезавший из больничной койки?

Открываю дверь. Он стоит там, такой чужой. И я понимаю, что ничего к нему не чувствую. Совсем.

– Привет, пригласишь?

Глава 6

Вы были в метро? О да, вы, конечно же, были! И мне вас жаль. Но больше жаль себя.

Это склеп, самый настоящий бактериологический рассадник. Всё такое грязное, и эти люди. Они толпятся, дотрагиваются до тебя. Мерзко. Очень мерзко. Блевать хочется.

Но даже этот муравейник не смог затмить то, что было позже. Чокнутая старуха и дьявольский ледяной душ.

Впрочем, это неплохой предлог попасть в квартиру Разумовской... Всё такое... обычное. Очень мало места и света. Безвкусные занавески, и некоторая мебель вообще не вписывается в общую картину, ну а то, что её явный переизбыток, говорить не стоит. Короче, мрак. Но хоть чисто, уже радует.

Но больше радует то, что она сразу прониклась моей с ходу сочинённой историей.

Поэтому можно смело сказать, что за всем этим свинством было и нечто приятное. Например, её глаза. Расширенные зрачки и такой смущённый, но очень заинтересованный взгляд. Она явно повелась. Правда, и взбесилась, но так гораздо забавнее. Она не амёба, как показалось сперва. Очень даже интересенькая. Однозначно.

Дерзит.

И вот этот выкидон в стиле «ты не в моём вкусе» точно усилил желание побыстрее её развести. Не стоило ей так говорить. Совершенно не стоило.

Её забота умиляет. Но не настолько, чтобы сделать поблажку и отказаться от спора. Конечно, этот мокрый шмот я больше в жизни не надену, к чертям всё выкину. Да и мои черберы ждут в тачке через два дома. Я спокойно могу свалить, но не делаю этого. Рано. Нужно пораскинуть мозгами, трахнуть эту Элю и поехать к Дягилеву за Скайлайном.

Пока она копошится в ванной, открываю одну из закрытых дверей, с первого раза попадая в её комнату. Бежевенькие обои, книжечки, игрушечки мягкие.

Косметика и духи, кстати, тоже присутствуют. Только воняют спиртом каким-то и дешёвым ароматизатором ванили. Приторно. Отставляю эту «радость» в сторону, чувствуя её за своей спиной. Её это бесит, то, что я сюда зашёл. Ну прости, говорила бы поменьше, возможно, ничего бы не произошло.

Спокойно выхожу в коридорчик под её вопли и с тем же спокойствием впрыгиваю в свои испорченные шмотки. Если она думает, что я так быстро свалю, ошибается. Да и родоки её, походу, куда-то уехали. Просто мегавезение.

Она выпроваживает меня к двери, но вот на прощальный поцелуй отвечает. Целуется, кстати, плохо. Очень и очень плохо. Даже смешно. Взрослая девочка вроде.

И ведь всё с ней ясно. Как открытая книга. Но после заявления про год без секса книга захлопывается перед моим носом. Потому что я не понимаю её.

Точнее того, как она себя ведёт. То стесняшка и недотрога, то отзывчивая и прямолинейная, как трамвай. Что у неё вообще в башке творится?

Уйти сейчас будет ошибкой. По крайней мере, не разобравшись с данным феноменом. Сваливаю на кухню, оставляя её у двери, как раз в то время, когда раздаётся звонок. Она чертыхается с личиной и распахивает дверь настежь.

На площадке тусует какой-то парниша. В трениках с оттянутыми коленями. Мужик, одним словом. Бутыля пива ему для колорита не хватает. Я прекрасно вижу их обоих, стоя в кухонном проёме.

– Привет, пригласишь?

– Нет.

– Эль, я хотел извиниться, столько времени прошло.

– Вот именно. Прошло. Андрей, иди домой.

– Эль, – хватает её за руку, – я же от души. Правда.

– Спасибо.

– Слушай, я дурак. Я понимаю, что поступил как последний трус, но я тебя люблю. Постоянно о тебе думаю.

А вот это уже интересно. Этот питекантроп портит мне всю картину. Попозже не мог на горизонте появиться?!

– Ты одна? Мамка сказала, твои уехали.

– Не одна.

Опа, вот это поворот. Походу, меня сейчас представят.

– В смысле?

– В прямом. Я не могу быть с кем-то, по-твоему? Мне кажется, что после тебя моя жизнь не закончилась, и я вправе строить новые отношения с другими людьми. Разве не так?

– Кто он?

– А это тебя не касается. Тебя больше ничего не касается, – говорит едко, с прорастающим в голосе смехом.

И это слышится странно, впрочем, как и выглядит.

– Эля, я серьёзно.

– Слушай, чего тебе надо? Проваливай отсюда. Мне не нужен ни ты, ни твои извинения.

Но он её не слышит.

– Где он?

– На кухне! – шипит Элечка в ответ и взяв его за руку, на полном серьёзе идёт сюда.

А это уже интересно.

Они заходят вдвоем. Взгляд этого несчастного тут же потухает, когда он видит, что я, действительно существую.

Эля выдирает из его ладони свою руку и делает уверенный шаг ко мне. Встает почти вплотную.

– Андрей! Познакомься, это мой молодой человек, Данил, – она касается ладонью моего лица и целует.

С напором так. И этот поцелуй ни хрена не похож на тот, что был у дверей. Вот ни разу. Прижимаю её к себе как можно теснее, и она сразу отстраняется, ещё и смотрит так, словно прям здесь прибьёт.

– Милый, а это Андрей, мой бывший муж.

Я хреню с этого театра абсурда. Так-то разводить вот это всё было моей задачей. Но эта коза повернула всё в свою пользу. Если это тело сейчас ещё и по роже мне съездит, вообще сказочно будет.

– Мы развелись, когда Андрей решил, что сидеть у моей кровати в больнице его не совсем устраивает. Правда, весело? Андрей, может быть, посмеёмся вместе?

Паренёк опускает голову, он явно не в своей тарелке. Либо подобных выходов она не устраивала раньше, либо тупо чувство вины.

– Я пойду, наверное, Эль.

– Иди-иди, маме привет.

Машет ему ручкой вслед, а потом разворачивается ко мне.

– А ты чего встал? Тоже можешь проваливать.

А день-то задался.

– Это реально твой бывший муж?

Наверное, это единственный вопрос, который я смог сформулировать после данного представления.

– Реально.

– А что произошло?

– Не твоё дело. Уходи. Уходи, я тебе говорю, – повышает голос, выпихивая меня на площадку.

– Ладно-ладно.

Психичка чёртова. Иду вниз, а уже на улице встречаюсь с этим, как его там, Андреем. Он нарочно задевает меня плечом. Идиот. Смотрю на тачку моих верных псов, которые успели перепарковать. Прости, парень, но сломанная челюсть тебе обеспечена.

По дороге в клуб, куда я должен был подъехать ещё часа два назад как, меня не покидает одна-единственная мысль: что это, мать вашу, такое было?!

Сегодня я, конечно, отпущу всё заморочки, но завтра вытрясу из неё душу. Вздумала поиграть? Я с тобой поиграю, Эля. Теперь это уже никакой не спор. Это теперь личное. Нельзя так делать. Очень не советую.

В клуб я заплываю в бешенстве. Дягилева опять начинает свои поползновения, а я думаю только о том, когда настанет завтра. Прикидываю план дальнейших действий, вливая в себя пару стопок текилы. Потом подтягивает Марк, и дальше я уже не помню ничего.

Когда открываю глаза, то первое, что вижу, это снег за огромным окном. Сука! Ну, где я опять? Неужели Дягилев всё же утащил вчера всех на склон?

Внизу уже шумиха. Продолжение банкета, так сказать. Выпиваю стаканчик водички, а потом еще один, и еще.

Захар курит кальян поведывая об очередном своём походе.

– О, Даня вылез. Ты как, живой?

– Ни хрена не помню.

– Не удивительно. Ты вчера в дрова отъехал. Даже не покатался с нами на бордах.

– Какие борды? Башка трещит.

– Кстати, тебе вчера звонила наша маленькая находка.

– Чего?

– Ну Элечка. Так названивала, Викуша ей ответила, но я успел отобрать телефон и скинуть. У нас же честный спор.

– Твоя сестра меня бесит.

– Она всех бесит, друг. Так что? Пиво будешь?

– Не, домой надо. Мы сюда как попали?

– Марк подсуетился с транспортом.

– А он где?

– Улетел часа два назад.

– Сука. Ладно, я в душ и в аэропорт.

Покупаю билет в бизнесе и иду в душ. Зачем она звонила? Реально три пропущенных. Надеюсь, Викуша на самом деле не успела ничего вякнуть, иначе придушу заразу.

В Москву прилетаю уже к вечеру. Убитый. Хочется спать, а лучше сдохнуть. Так пить нельзя, явно не рекомендуется. Дома никого нет, что уже радует. Отец с Мариной улетели в Париж. И после этого он будет говорить, что мои идеи не гениальны?!

Заваливаюсь на кровать и набираю Элю. Гудки снова и снова. А потом она просто сбрасывает. Охренела там вкрай? Собираюсь и еду в «Саламандру».

Предварительно звоню Антону, чтобы убедиться, что она там и сегодня её смена. Первая полноценная смена, кстати.

На баре беру кофе и сажусь на втором этаже. Отсюда весело наблюдать, как она носится по залу. Пол зеркальный. Внизу они видят своё отражение, а сверху я вижу всё, что происходит там, у простых смертных. В VIP-зал её пока не пускают. Поэтому я могу быть спокоен, что она меня здесь не увидит.

В час ночи у них пересменка. Элечка метеором переодевается. И я чуть её не упускаю. Вовремя спохватившись, иду вниз. Она как раз стоит у клуба, ждёт такси, видимо.

– Привет.

Оборачивается, явно не ожидала меня увидеть.

– Привет.

– Чего звонила?

– Хотела извиниться за вчера. Некрасиво вышло.

– Забавная ситуация.

– Я так не думаю.

– Подкинуть?

– Я на такси. И вообще, мне кажется, нам лучше не общаться. Я верну деньги, но давай больше не будем встречаться. Не стоит.

– Это почему же?

– Потому, – вытаскивает из сумки конверт, – твоё.

– Что это?

– Деньги за телефон. Пока.

– Стой, – хватаю её за руку, – что происходит?

– Ничего.

– Объясни нормально, что происходит.

– Ничего я объяснять не буду. Отстань от меня. Я тебе ничего не должна.

Наконец, такси, которое она ждала, подъезжает, и наша Элечка, с дерзостью вырвав руку из моего захвата, забирается в машину.

И что это было?

Глава 7

Как ужасно получилось. Зачем Андрей вчера приходил?

Боже, меня ведёт, сползаю по стеночке вниз, прикрывая глаза, чувствуя слабость и нака-
тывающую волну едкого сожаления. Главное – не накручивать себя, иначе я опять провалюсь в
депрессию. Потому что за маниакальной стадией всегда идёт депрессия. И неясно, что лучше.

Наконец, разлепив глаза, подхожу к зеркалу в ванной, умываюсь, чищу зубы, а сама
думаю о вчерашнем вечере. Ведь всё было неплохо до того момента, пока не появился Андрей.
Он вечно выбивает почву из-под ног. Точнее теперь выбивает. Я его не простила и, наверное,
не прошу уже никогда. Потому что он просто выкинул меня из жизни. А теперь пытается что-
то там начать сначала. Спивается, а его мать считает меня виновной в его проблемах с алкого-
лем. Это же я виновата, я так ужасна и не прощаю её идеального сына, который решил, что я
буду калеккой и ему со мной будет не по пути.

Он там катится на дно, а я всеми силами здесь пытаюсь с этого дна выбраться. Потому что
если Оля получила физическую травму, то я по физике отделалась вполне себе легко. Но вот
душевно... только месяц как перестала посещать сеансы психотерапевта, и ведь до вчерашнего
вечера всё было хорошо. Вполне себе хорошо.

В дверь звонят. Вздрагиваю и иду открывать. Только бы это был не Андрей. И там ока-
зывается не он. Зато его мама. Она смотрит на меня как на врага, я не успеваю ничего сказать,
а она уже кричит. В чём-то обвиняет. И с размаху влепляет мне пощёчину. Хватаюсь за лицо
в ужасе от происходящего.

– Какая же ты дрянь! Ну ничего, мы на твоего хахалю заявление напишем. Будет знать.

– Кого? Что произошло?

Я совсем не понимаю, о чём она? А самое главное – за что?

– А то, что Андрюша в больнице. Ему эти громилы руку сломали.

– Какие громилы?

– А тебе, шалаве, лучше знать.

– Вы что такое говорите?

– А что? Думаешь, не знаю я? Плохо шифруетесь. То он сюда на простой машинке при-
езжает, то его мерседесы дорожные забирают. Содержанка!

Я в шоке смотрю на бывшую свекровь и никак не могу понять, что она несёт. Какие
мерседесы? Какая содержанка?

Я зависаю в дверях, а она уже успевает исчезнуть. Накрываю лицо ладонями и, шагнув в квартиру, захлопываю дверь. И как я теперь на учёбу пойду? Щека продолжает гореть, растираю ушибленное место и надеваю пиджак.

В универе стараюсь держаться от всех подальше. Анька сегодня прогуливает, и мы встречаемся с ней лишь после пар.

Олёхина с азартом рассказывает, как сходила на поэтический вечер какой-то инстаграмной поэтессы, а когда замечает моё отстранённое состояние, допытывается до случившегося.

По мере моего рассказа она то хмурится, то едва улыбается, а потом выдаёт совсем не ясно для чего:

– Ты встретила с Дорониным.

– Что? Кем?

– Доронин. Тот, чей телефон ты разбила. Такой высокомерный типчик, аккуратист, блин. Он, кстати, Дягилевский дружок и вроде как с Викушей нашей мутил. Дягилевы вечно за ним хвостиком ходят. Викуша, вообще готова ботинки ему вылизывать.

– То есть он мне соврал?

– То есть громилы, которые уложили твоего бывшего, скорее всего, его рук дело. Кстати, «Саламандра» – это его клуб.

– Его...

– Так, в обморок не падаем. Спокойствие, малыш, только спокойствие.

– Я спокойна, Ань, я так спокойна, ты не представляешь, насколько.

Сжимаю руки в кулаки. Он мне врал. Сочинял какие-то сказочки верно думая, что я идиотка. А что ты хотела, Эля? Ты и есть идиотка!

– А сколько должна?

– Тридцать.

– М-да. Ему этой суммы на мороженку не хватит. Что-то тут нечисто.

– Он просто стебётся. Конечно, нечисто, – взмахиваю руками.

– У меня тысяч двенадцать будет. Месяца на два могу одолжить. Если нужно.

– Нужно. У вас в кофейне официантки не нужны?

– Нужны. Я за тебя словечко замолвлю.

– Спасибо, Ань. За всё спасибо.

Остаток дня я нахожусь в каком-то вакууме. Доронин звонит мне пару раз, но я скидываю. Не желаю иметь с ним больше ничего общего. Это надо вообще до такого додуматься, зачем? Неужели они с Дягилевым действительно что-то задумали?

Сколько должно быть наглости, а самое главное, бесчеловечности, чтобы так поступить. А я ещё там чего-то стыдилась. Дура! Эля, ты полная дура.

После учёбы иду на работу. Доработаю последнюю смену, к тому же мне очень интересно, как они все могли так просто меня разыгрывать. Делать из меня полную идиотку, а ведь ясно было с самого начала. Одни только эти странные взгляды.

Переодеваюсь и иду к первому столику. Длинноногая блондинка с каким-то татуированным парнем. Они заказывают выпить и парочку салатов. На кухне пересекаюсь с Асей и под её вопли недовольства и сопротивления пытаюсь вытащить в коридор.

– Ты ненормальная? Что происходит?

– Ты знала, что он издевается надо мной?

– Кто?

– Доронин.

Она поджигает губы, опуская взгляд.

– Знала. Ты же меня типа предупреждала, правда?

– Правда! – зло и громко. – Сама могла догнать. Его в мешок из-под картошки наряди, он со своими закидонами всё равно, как мы, выглядеть не будет. А ты полная дура, если ни черта не поняла.

– Ну спасибо за заботу. Могла бы просто сказать...

– Ты мне кто? Я тебе помогать не нанималась. Сама в него вляпалась. Так что на других не спихивай.

Она в бешенстве разворачивается и убегает в зал. Прекрасно! Все делали вид, что так и надо, но ни капли не виноваты по итогу. Конечно. Хотя я тоже недалеко ушла.

Что теперь делать? Как от него отвязаться-то? Деньги я нашла. Точнее заняла у Ани, продала старый глючный планшет и взяла выполнение четырех курсовиков у параллели. Естественно с оплатой вперед.

Работы теперь предстоит много, но зато я смогу швырнуть деньги в лицо этому... и больше никогда его не увижу.

И боги, какое везение. Он уже здесь. Я чувствую, как он идёт следом, но делаю вид, что в упор его не замечаю. Мне противно от одного вида его мерзкой фихиономии.

Как и хотела, отдаю ему конверт и быстрее быстрого залезаю в подъехавшее такси, очень удачно оно подоспело. Иначе мне бы пришлось с ним говорить.

Дома я всё ещё одна. Родители должны приехать только к концу недели. Принимаю душ и прибираю в своей комнате. Резкий приступ Золушки. Драю полы во всём доме, чтобы не думать. Потому что если только включаешь мозг, он подкидывает такие идеи и образы, что жить страшно.

Мне противно от одной мысли, что он рассказывал своим друзьям обо мне, как смеялся.... И про Андрея, наверное рассказал, и о том, как я сама его поцеловала. Всё, лучше не думать. Моешь паркет, думай о паркете!

Тру пол, а в голове та машина, удар, фары, всё вокруг плывёт. Меня начинает трясти, стены давят, и всё кажется серым. Безликим. Ну вот, привет, депрессивная стадия. Переволновалась.

А я уже говорила, что маниакальная мне нравится больше?

Утром просыпаюсь разбитой. Мне не хочется ничего. Пусть этот день закончится. Идти в универ желания нет, а ведь сегодня ещё собеседование в кофейне. Аня договорилась. Чёрт, почему сегодня?

Принимаю душ, вытирая лицо полотенцем, стоя у зеркала. Выдавливаю на ладонь основу под макияж и медленными движениями втираю её в кожу. Причёсываю брови и прокрашиваю ресницы. Немного тона, на большее я сегодня не способна. Натягиваю джинсы и свитер. У двери несколько раз дёргаю ручку на себя, чтобы убедиться, что действительно закрыла. А не забыла, как это у меня бывает.

Спускаюсь по ступеням, распахивая дверь парадной, и в глаза ударяет яркий солнечный свет. Но сегодня мне очень хочется, чтобы был ливень. Непроглядный. Стеной.

Заворачиваю за угол к остановке и замираю. Дягилев. На какой-то спортивной тачке. От одного её вида чувствую тошноту.

Сидит на капоте, что-то тыкая в телефоне. Иду мимо в надежде, что он не заметит. Глупо, конечно, но только что ему нужно? Это очередной развод? Доронин сейчас тоже где-то поблизости? В кустах караулит?

– Стой, – спрыгивает на землю, – я к тебе, вообще-то, – оббегает вокруг.

Поднимаю голову. Дягилев стоит ко мне очень близко. Руки убранные в карманы, на лице самодовольная ухмылка и очень красные глаза. Будто он пьян, но явно чувствует себя королём, впрочем, дела мне до этого нет. Я хочу одного – чтобы он исчез. Он и его дружок.

– Я спешу.

– Я могу подвезти.

– Не нуждаюсь. Дай пройти.

– Не. Мы не договорили.

– Я так не думаю.

– Ты чего такая злая?

– Слушай, – вздыхаю, – чего тебе надо, а? Мне вот это всё не интересно. Вы там с Доро-
ниным что-то придумали, но у меня нет желания участвовать в вашем цирке.

– Да стой ты, – сжимает мой локоть, причём сильно.

– Отпусти. Мне больно,пусти, – дёргаюсь, ударяя его ладонью в грудь.

Ослабляет хват.

– Ты меня выслушаешь уже, наконец, или нет?

– Нет.

Отталкиваю его и бегу в сторону остановки.

Как хорошо, что этот чокнутый не пошёл следом. Ловлю маршрутку и, сто раз оглянувшись, наконец уезжаю на учебу.

Весь день я стараюсь не отлипнуть от Аньки, чтобы тупо не потеряться в стенах университета. В голове полнейший штиль. Все кажется никчемным. Безразличие к происходящему зашкаливает. Я просто хочу вернуться домой, лечь на кровать, и никого не видеть.

После пар, приходится сделать усилие, чтобы съездить с Аней в кафе, в котором она замолвила за меня словечко. Собеседование я прохожу. И в нормальном состоянии, это бы меня порадовало. Но сегодня...сегодня нет.

Из кофейни, сразу еду домой. Шаркаю ногами по асфальту, на него же и смотрю, пока не упираюсь Захару в грудь. Подждал меня? Запрокидываю голову, и он без слов толкает меня в плечо. Тут же отлетаю к стенке дома, слегка ударяясь головой. Вижу его усмешку и стеклянные глаза. Не человеческие. Мутные, красные, звериные.

И впервые за сегодняшний день, во мне поднимаются эмоции. Становится страшно. Это совершенно не смешно, и совсем не похоже на игру. Нет, это другое. Я чувствую волнение и страх.

– Слушай, я же по-хорошему хотел, – берёт за руку, дёргая меня на себя.

Пытаюсь вырвать руку, и когда это получается, чуть не падаю на землю.

– Сама напросилась. Ведь нормального общения у нас уже не выйдет, правда? А я не люблю проигрывать, – плюёт мне под ноги.

Захар отходит в сторону и щёлкает пальцами. Так напоказ, киношно. И лучше мне задуматься, но я ещё не знаю, что так бывает. Так, как произойдёт через несколько минут.

Я даже не поняла, как они здесь появились. Эти громилы. Два мордоворота в чёрных костюмах. Они подхватывают меня под руки, причиняя боль своим захватом. Хочу закричать, но мне зажимают рот и запикивают в подъехавшую машину.

Страх парализует. Я просто не могу поверить, что это реально. Что всё это происходит со мной. Пытаюсь кричать, но чем громче я ору, тем больше мне становится от их прикосновений. Страх превращается в панику. Меня запирают в этой тачке и куда-то везут. Стёкла тонированные, по обе стороны салона сидят громилы, и нет ни единого шанса на спасение. Ни одного!

Зачем? Чего он хочет? Я же ничего не сделала! Я не обязана с ним общаться, слушать. Он не имеет права этого делать. Я не вещь, я человек, это уголовно наказуемо. Эти мысли в хаосе мечутся в голове до того момента, пока я наконец не понимаю, что ему плевать. Он делает то, что хочет.

Ему плевать на моё мнение и желания. Он хочет от меня чего-то получить и идёт к этой цели, любыми путями. В машине тихо. Я слышу своё дыхание и ничего не говорю. А смысл? Меня никто не пожалеет. Они выполняют его приказ.

Вскоре мы останавливаемся где-то за городом. Мне насильно завязывают глаза, и дальше я лишь считаю повороты, которые делает машина, но толку от этого ноль. Я не представляю, где я и кто мне сможет помочь.

Всё это дико и кажется нескончаемым, но когда меня выталкивают из салона на улицу и я падаю на асфальт, быстро освобождая глаза, иномарка исчезает в неизвестном направлении, оставляя меня одну.

Поднимаюсь на ноги, осматривая территорию. Лес какой-то. Сплошные ёлки, и ни души. Тишина, как на кладбище. Боже, он что, псих? Зачем меня сюда привезли?

Не успеваю об этом подумать, как в глаза бьёт свет фар. Зажмуриваюсь, а мой мозг запускает флешбек. Я кричу, наверное, падаю. Мне кажется, что я горю. Чувствую, как обгорают мои ноги, как надуваются волдыри, как никто не спешит на помощь. Кажется, проходит вечность. Я мельком вижу Дягилева, очень размыто, как и горящее авто. Вижу ещё одну подъехавшую машину, и меня скручивает пополам. В попытке встать снова падаю на колени. Ползаю по земле, не в силах больше терпеть эту боль.

А потом слышу настойчивый голос, постоянно повторяющий моё имя. Открываю глаза, понимая, что надо мной навис Доронин.

Точнее, он держит меня, смотрит в мои глаза с явной злобой.

Отталкиваю его от себя. Мне плохо. Мне очень-очень плохо. Мне нужна таблетка. Ползу от него подальше, всё ещё не понимая, что реальность, а что воспоминания. Там горит наша машина, но если обернуться, то я вижу Доронинские ноги в брендовых кроссовках. Дурацких брендовых кроссовках.

Он обхватывает мою талию, поднимая с земли, а мне больно. Неприятно, я хочу, чтобы он меня отпустил. Пусть он меня отпустит и даст таблетку. Захлёбываюсь слезами и своим криком.

– Успокойся, – орёт, – перестань кричать.

– Не трогай. Мне больно. Больно. Там огонь.

– Какой огонь? Ты совсем поехала?

Я понимаю, что реально, а что нет, лишь когда он запихивает меня в салон своей машины и выливает на голову бутылку воды. Чувствую, как капли стекают по лицу. Слышу стук зубов. Меня продолжает трясти, но я стараюсь сосредоточиться на реальности. На том, что я не там, что всё кончилось. Я жива, мне не больно. Всё хорошо. Да, всё хорошо. Выдыхаю.

– Ты как?

Убираю свои руки. Доронин сидит на корточках напротив меня. Машина очень низкая, поэтому он почти на одном со мной уровне. Смотрю в его лицо, сглатывая вставший в горле ком.

– Что это было?

– Ничего.

– Серьёзно? Слушай, я ни черта не понял, но, может, к врачу?

– Не надо. Домой меня отвези, – отворачиваюсь, сжимаясь в комок.

Мне плевать. Я не знаю, правильно ли я поступаю, оставаясь в его машине и прося отвезти домой. Я уже ничего не знаю. Совсем. Я просто хочу, чтобы этот день закончился.

Он кивает и закрывает дверь с моей стороны, трогается с места плавно, поэтому я отчётливо вижу валяющегося на земле Захара и его машину со всё ещё горящими фарами.

Отворачиваюсь. Всю дорогу домой я прижимаю колени к груди и не моргая смотрю в окно. Внутри пустота. У подъезда без слов и эмоций выхожу из машины и, как зомби, иду к дому.

Глава 8

Музыка оглушает. Дягилев достаёт из кармана пакетик.

– По таблеточке?

– Нет.

– А я, пожалуй, кайфану.

Заглатывает содержимое, запивая ромом, и откидывается на диван. Вспышки неона с мелкими интервалами бликуют на его лице, которое поглощает улыбка.

– Ты опять за старое?

– Я чисто расслабиться. Так, по-лёгкому.

– Ты обещал, – смотрю на него в упор.

– Я помню, не наседай, мамочка.

– Да мне плевать, загнёшься где-нибудь.

– Всё-всё, – хлопает по моему плечу, – я понял. Выпьешь?

– Нет.

– Скучный ты, Доронин, не весёлый, – ржёт, заливая сверху вискаря. – Слушай, сегодня же моя очередь на нашу недотрогу.

– В плане?

– У меня для неё сюрприз.

– Какой?

– На то и сюрприз.

Молчу.

– Так что ты сегодня не лезь, хотя... тебя же отшили.

Захар смеётся.

– А я успокою, приласкаю. Послушаю, какая ты скотина. Не зря ж она так быстро спрыгнула.

– И это странно, не находишь?

– Хреново осознавать, что она не повелась на твою смазливую рожу?

– Свали уже.

– Не злись, Доронин, я любя. Готовь Континенталь.

– Губу закатай. Поехал я, башка болит.

– Давай. На созвоне.

Из клуба уезжаю под утро. Хочется спать, касаюсь головой подушки, и почти сразу трезвонит будильник. Сука. В универе появляюсь после обеда. Мой сегодняшний максимум – это одна пара, и в «Саламандру».

– Привет, я думал, ты не придёшь, – Захар опирается на стену, на его роже очки, в руках бутылка минералки.

– Я тебя тоже не ожидал увидеть. Ты в хлам был, когда я вчера уезжал.

– Друг, я и сейчас не лучше, – делает глоток воды, стаскивая авиаторы на нос.

– Ты на таблетке до сих пор, что ли?

Тишина в ответ.

– Придурок.

– Слышь, Дань, отвали с этой темой. Не твоё дело.

– Если ты куда-нибудь вляпаешься и опять меня подставишь...

– Даня, ну куда я вляпаюсь? Какие на хрен здесь могут быть неприятности?

На другом конце зала замечаю Разумовскую, и не я один. Захар тоже.

– Слушай, как так вышло, что она тебя послала? Понтов у неё много! Но не переживай, друг, я за тебя отомщу.

– Не трогай её.

– У нас уговор.

– Без жести.

– Я буду нежен.

Часов в пять ко мне прибегает Викуша. Эта нимфетка всполошила своим приходом всё, и моё спокойствие в первую очередь.

– Чего тебе?

– Даня, он обдолбался, взял ребят и куда-то поехал. Его надо найти, он же что-нибудь натворит. Понимаешь? Отец его убьёт. Мы должны его найти!

– Я чем могу помочь? Если твой брат идиот...

– Он говорил про спор. Его как переклинило. Вы спорили? Вы опять спорили?

– Не твоё дело.

– Он под таблетками, – поджигает губы, отскакивая от меня.

– Давно?

– Месяц почти.

– И ты молчала.

– Он сказал, что просто балуется. Захар нормальный был всё это время, а сегодня... не знаю, что случилось, но он не в себе.

– Ты на самом деле такая дура?

– Не хами мне, – поправляет браслет на запястье.

– Куда он поехал?

– Не знаю. Сказал, что проучит её. Кого её? Даня?

– Никого. Домой вали. Я его найду.

Викуша порывается поехать со мной, но мне её компания к чертям не нужна, потому что что-то подобное уже было с Захаром в Лондоне, этот идиот тогда активно закидывался таблетками, потом перешёл на порошок, а как итог, вывез какую-то девчонку на заброшенный аэропорт.

Подробностей я не знаю, но догадаться не сложно, пока он утром валялся почти без сознания, к нам пришла полиция. Заявление о насилии. Правда, через пару дней девка сказала, что это не он и она ошиблась, но по городу разъезжала на новой тачке. Дягилев-старший подсуетился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.